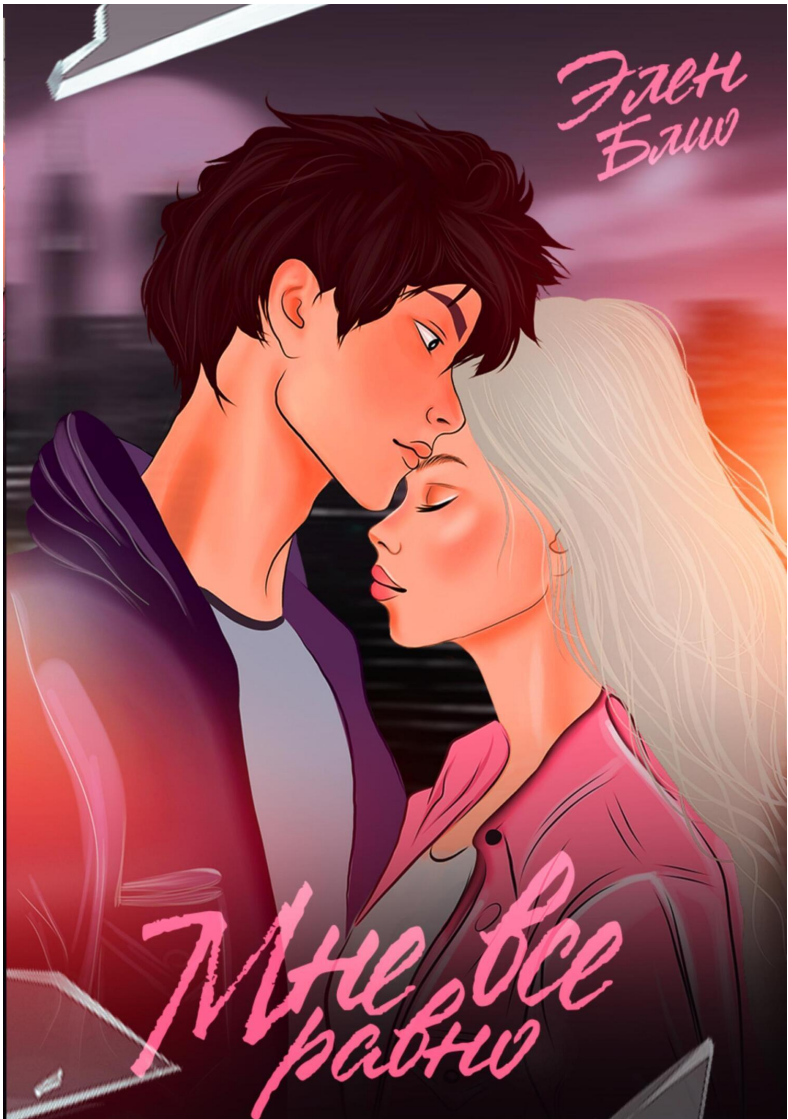

Элен
Баш

Мне все
равно

Элен Блио

Мне всё равно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70131355

SelfPub; 2023

Аннотация

– Ты...Щепкина, ты ополоумела? Ты что себе позволяешь?–
Вау, вот это видок! – громко выдает кто-то из стада, и остальные
грохают, начиная ржать.Я спокойно делаю несколько шагов,
выходя в центр.– У меня украли вещи.Статус «новенькая» – это
всегда не просто. В школе для элитных мажоров – особенно. Им
по кайфу превратить мою жизнь в ад. Только они не в курсе,
что мне всё равно.Всё равно, пока один парень не пробивает
брешь в моей защите, ломая все установки... Дорожки слез, как
трафик моей ничтожности,Перекошенный рот, да нафиг такие
сложности!Обними, поцелуй, услышь – больше ничего не надо!
Только не превращай нашу жизнь в филиал ада...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4.	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 6.2	33
Глава 7	38
Глава 7.2	43
Глава 8.	48
Глава 8.2	53
Глава 9	58
Глава 9.2	61
Глава 9.3	64
Глава 10.1	68
Глава 10.2	71
Глава 11	75
Глава 11.1	77
Глава 12	81
Глава 12.2	85
Глава 13	90
Глава 13.1	93
Глава 13.3	96

Глава 14	99
Глава 14.1	102
Глава 14.2	105
Глава 15.1	109
Глава 15.2	113
Глава 16	117
Глава 16.1	121
Глава 17	126
Глава 17.1	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Элен Блио

Мне всё равно

Глава 1

– Щепка, ты глухая, что ли? Сказала, иди сюда!

Игнор – моё второе имя. Привыкла. Поорут и забудут.

– Щепка у нас типа гордая? Или это... считает себя лучше других?

– Слышь, Щепка? Считаешь себя круче нас?

– Да чего вы к ней прицепились? Отстаньте!

– А ты, Ванёк, вообще молчи, а то и ты огребешь.

Одиннадцатый «Е» вполне оправдывает букву, на которую называется. «Ешки» они и есть «ешки»...

Угораздило же меня попасть...

– Щепка... Нет, она меня достала! Слышь, ты?

Меня резко хватают за плечо, разворачивают. Вижу перед собой лицо Мироновой. Наверное, красивое было бы, если бы не надменная ухмылка и тонна грима.

– Мы из-за тебя «ашкам» проиграли, ты, овца! Ты нахрена сказала, что умеешь в волейбол?

Я сказала? Я никому ничего не говорила. В личном деле записано. И я-то как раз умею, в отличие от...

– Ты... – Мирон хватает меня за влажную от пота майку,

толкает к стене.

Бить будет? Интересно. Это что-то новенькое.

– Мирон, да забей ты не неё...

– Забей? Да я с «бешками» забила, что мы «ашек» уделаем, я пять косарей поставила, а эта убогая нас слила...

Продолжаю молча смотреть ей прямо в глаза. Не мигая. Что-что, а играть в гляделки я хорошо умею. Никто еще не переигрывал, кроме... Кроме того, кого уже нет. И взгляд мой не все выдерживают.

Вот и Мирон слилась, опустила свои опахала наращенные.

– Тварь, я тебя...

– Мирон, харэ! Отпусти новенькую! Она нам, между прочим, двадцать очков принесла!

Именно, в трех партиях! Но всё равно я виновата в проигрыше. Ну да, в некоторой степени... Не взяла пару подач, а могла. Но это спорт, бывает. Руки вспотели, устала, дыхалки не хватило, не допрыгнула – с моим-то ростом, метр с кепкой, ха-ха...

Ну и плевать.

Не конец света для меня.

Да уж... Если бы!

В раздевалку заглядывает наша староста Варька Сёмина.

– Ну вы чё застряли? Конор там разбор полетов хочет устроить.

Конором они называли учителя физкультуры, фамилия которого была Кононенко. В честь бойца ММА Конора Мак-

грегора, я так понимаю. Дебилы...

– Отвали, Сёма, у нас тут свой разбор.

Миронова снова повернулась ко мне.

– С тебя десять косарей, поняла, ущербная?

– Ты чё, Мирон, «вай» десять, ты же пять ставила? – подает голос «шестёрка» Мироновой Дунаева, по прозвищу «Дуня», я бы её иначе назвала, впрочем, кликух тут у них много, самых разных.

– Отвали, тупорылая. Пять ставка, пять – я бы выиграла. Не принесешь завтра, Щепка, процент начнет капать. Вдупила?

– Не принесу.

– Что?

Туша Мироновой подается вперед, а рука замирает на моем горле. Да ну? Рукоприкладство началось?

– Ты... Принесёшь, ясно?

Молчу. Спорить бесполезно. Никаких денег я ей, естественно, не отдам.

Понимаю, что после этого они будут из кожи вон лезть, чтобы превратить мою жизнь в ад.

Только они ни хрена не знают, что такое ад.

Я уже в аду. Давно.

И плевать, что будет.

И на них плевать.

Поднимаю руку, беру Миронову за запястье, сжимаю с силой, стараясь отвести ее лапищу от себя. Продолжая смот-

реть прямо с глаза.

– Слышь, Мирон, она по ходу «рили крейзи», больная! Не связывайся с ней. «Мочканет» еще!

– Я её сама «мочкану».

Из зала раздаётся противный звук судейского свистка. Снова заглядывает Сёмина.

– Ну, девки, ну быстрее! Пойдем!

Миринова резко толкает меня, спиной впечатываюсь в стену. Больно. Но пофигу.

Потом неожиданно выхватывает у Дунаевой бутылку с какой-то ядовито-красного цвета газировкой и выливает прямо на меня.

Вот же с...

– Умойся, грязь, воняешь...

Просто прекрасно! Тварь... Стою обтекаю. Так неохота было в душ, теперь придется.

Почти всё это бабье братство ржет надо мной. Срываю майку, вместе с ней спортивный лифчик, мокрый и липкий от сладости, бросаю на лавку. Хватаю полотенце.

– Действительно надо умыться после твоих поганых лап.

– Что?

Но ответить Мирон уже ничего не может, так как свисток Конора под самой дверью.

Иду в душ. Хорошо. Жаль, что вода не может смыть все, что хотелось бы. Не может оставить меня чистой. Такой, какой я была еще год назад...

Не думать, Лерка, не думать...

Еле удастся унять дрожь в руках.

Выхожу из душевой.

Моей одежды в раздевалке нет.

Усмехаюсь. Да уж! Как тупо! Больше ничего придумать не могли? Примитивные создания. Одноклеточные, блин...

Хорошо, хоть в кабинку я пошла в трусах.

Эти тупые овцы думают, что меня это остановит?

В руках у меня влажное полотенце, оно небольшое, не банное, грудь, конечно, им прикрыть можно, вопрос – нафига?

Смотрю на себя в круглое зеркало, висящее на стене, и выхожу в зал, нарочно хлопнув дверью.

Шоу маст гоу он... – шоу должно продолжаться.

Глава 2

В зале шумно, класс сидит на скамейках – девичьи болтают, парни ржут, что-то бурно обсуждая, физрук Конор пытается их всех переорать, дует в свой свисток.

Он любит после игры еще минут пятнадцать мозги компостировать. Особенно когда «физра» последним уроком.

Все уже переоделись в форму. Она тут красивая, стильная и сначала мне очень понравилась, а теперь... теперь бесит. Бесит, что меня принимают как часть этого убогого мажорского гетто.

Рюкзаки сброшены на пол или стоят на коленках. В одном из этих рюкзаков моя одежда...

Выхожу в центр зала.

Тишина наступает мгновенно, словно их выключили.

Только слышно чей-то удивленный непечатный возглас.

Конор пялится на меня, вижу, как его лицо покрывается пятнами.

– Ты... Щеп... Щепкина, ты ополоумела? Ты что себе позволяешь?

– Бесплатный стриптиз, – громко выдает кто-то из стада, и остальные грохают, начиная ржать.

Я спокойно делаю несколько шагов, выходя в центр.

– Щепкина... ты...

– У меня украли вещи.

– Ты... немедленно вернись в раздевалку! – физрука даже жаль, мужик в панике, не вдупляет, что делать.

– Мне нужны мои вещи.

– Ты... – он начинает снимать с себя олимпийку, путается в рукавах, – прикройся хоть, дура, не понимаешь вообще.

– Мне нужны мои вещи.

Говорю спокойно. Смотрю спокойно. Как будто не я стою полуголая перед ними, а они передо мной.

– На, возьми... надень... – Конор протягивает мне кофту, но я не реагирую.

– Мне нужны мои вещи! Если мне не отдадут их, я пойду к директору.

– Ты... Щепкина, с ума сошла, ты... оденься немедленно!

Он пытается набросить на меня свою одежду, но я отступаю, выставляя ладонь вперед.

– Руки уберите! Трогать меня не надо.

– Ты... – физрук, конечно, в ярости, и мне его даже жалко, но...

Он делает шаг, готов меня схватить.

– Не стоит этого делать. Сами себе срок повесите. Я несовершеннолетняя. Голая. Будете доказывать, что не пытались меня совратить.

– Ты, да ты... у меня полный класс свидетелей!

– Эти, что ли? Да они вас первые и закопают.

– Ах ты... с... салага малолетняя, су...

– Оскорбление. За это тоже есть статья.

– Умная шибко, да?

– Умная.

– Да я тебя... – вижу, что ему хочется меня схватить, но теперь он боится.

Я умею пугать людей. Этого не отнять.

– Скажите, чтобы мне отдали мою одежду. Я оденусь. И о том, что тут произошло, никто не узнает. – Конору повезло, что в школе действует железное правило. Заходя в зал, все сдают телефоны. А то бы мой эпатажный демарш реально бы уже во всех соцсетях набирал «лайки». – Или я иду к директору.

– Ты... ты...

– Я? То есть вы серьезно считаете, что виновата я? А не те, кто украл мои вещи? Хорошо.

Медленно поворачиваюсь в сторону выхода.

– Сзади тоже ничего! – у кого-то совсем отказало чувство юмора, но большинство считает, что это очень смешно.

Конор опять тянет руки ко мне, но тут же отдергивает. Страх – такое дело. Если уж он есть...

– Стоять, Щепкина! Никуда ты не пойдешь! Так! Одиннадцатый «Е»! Немедленно вернули ей одежду.

– А мы ничего не брали. Она врёт.

– Она сама!

– Да она все специально, она же с диагнозом! Вы не в курсе? – Миронова, оказывается, знает такое слово как диагноз?

Неужели!

– Она дикая, больная! Нам «рили» с ней в классе страшно находиться! – Неужели Дуня?

Усмехаюсь про себя – тебе бывает страшно?

– Да хватит вам, реал, верните ей «шмот»!

– Она сама разделась, мы ваще не при делах.

– Молчать! – Конор дует в свисток. – Молчать! Быстро вернули вещи, я сказал!

Я стою влоборота к двери. Готова реально выйти и пройти через всю школу.

Как леди Годива, блин.

Замечаю, что там, за дверью, в тени кто-то стоит. Подглядывает за представлением и не заходит? Интересно, и давно? Может, еще и снимает моё шоу? Впрочем, мне всё равно, как всегда...

Словно отвечая на мои мысли, таинственный наблюдатель решает выдать свое присутствие.

Открывает двери и заходит в спортивный зал.

Узнаю его и с досадой понимаю, что руки холодеют и покрываются мурашками.

Высокий, широкоплечий, с развитой мускулатурой. Сильный. Красивый. Наглый. Безбашенный. Умный. Циничный. Жестокий.

Тор. Роман Торопов.

Я бы могла сказать, что он моё проклятие. Но не скажу. Потому что мне плевать на него так же, как и на остальных.

Ну, почти. Только знать об этом никому не обязательно.

Глава 3

– Тор! Тор! Тороп! Торопыга! Явился – не запылится!
Брателла!

Мою наготу уже никто не замечает. Ну конечно! Их кумир вернулся, как же! Сам великий и ужасный Тор – Торопов. Гроза и гордость школы в одном флаконе.

Несколько парней и девчонок вскакивают с мест. Коноп свистит, но на него всем глубоко по...

Тора окружают, здороваются как-то по-особенному, по-своему. Я знаю, их тут банда, трое лучших друзей, ну и подружки-подпевалы, само собой.

Ёжусь, поводя плечами, мурашки скачут по коже наперегонки.

Чёрт, наверное, зря я вот это вот всё... Зря вышла. Посидела бы до конца урока, потом... а что потом? Вещи бы они все равно не вернули. Это факт.

Ну, может, вернули бы, но поглумились бы надо мной знатно.

А я не позволяю над собой издеваться. Научилась этому уже давно.

Жаль, что учитель был таким жестоким.

Смерть – вот лучший учитель жизни.

Стою всё так же в центре зала, повернувшись к выходу, смотрю в пустоту. Чего я зависла, собственно? Я собиралась

к директору? Что ж...

Делаю шаг, второй.

Конор свистит в свисток, пытаюсь призвать класс к порядку. Поздно. Раньше их надо было воспитывать. Как моя прабабушка любила повторять: когда поперек лавки лежит, еще можно воспитывать, а потом – бесполезно. Вроде так звучало...

Теперь всё. Они уже выросли, у многих внутри гниль, которую не вытравишь. Впрочем, мне какое дело? Я тут ненадолго.

Осталось несколько месяцев. Потом свобода. Относительная, конечно, но...

Чувствую ледяной холод, лижущий тело, но в то же время почему-то становится горячо, словно прожигает, жгучей волной проходит по позвоночнику.

С досадой понимаю, что это.

ЕГО взгляд.

Взгляд, на который мне должно быть пофигу. Кровь отливает от щек.

Есть у меня такая особенность, когда все обычно краснеют, я, наоборот, бледнею, становлюсь белой как смерть.

– Вещи её верните.

Голос у Тора низкий, спокойный. Обычно он такой... лениво-вальжный, это еще называют говорить «через губу». Да. Признаю. Я знаю, какой у него обычно голос. Я вообще непростительно много о нём знаю для человека, которому

всё равно.

Как-то сразу после его слов становится тихо. Подозрительно тихо.

Уверена, даже не глядя на них, что все сейчас смотрят на Тора. И смотрят удивленно.

– Я что-то не ясно сказал? Вещи Щепкиной на базу.

– Торыч, ты... – это Да Винчи, Данила Виноградов, любитель недружеских шаржей, считающий себя гением, трепло.

– Вещи. – Мне странно, но Торопов повышает голос тона на два.

– Одиннадцатый «Е», это уже какой-то... паноптикум! Я вас... я... – это Конор вспомнил, наконец, что вообще-то он тут учитель и должен был бы быть главным – но как бы не так. И это все знают.

– Сергей Иванович, я сам разберусь. – Тор делает шаг.

Конор изумленно пялится на него, даже свисток изо рта выронил.

Я все еще стою вполоборота, но вижу, а главное – чувствую, что этот шаг он делает ко мне. А потом...

Потом резко сдирает с себя футболку и так же резко надевает мне на голову. Я ничего не успеваю сделать. Мягкая ткань накрывает моё тело, пряча бесстыдную наготу.

Вскидываю на него глаза и давлю сквозь зубы:

– Сними! – весь яд выплескиваю, который есть! Всю... всю ненависть, которой нет на самом деле.

Тор молчит, прожигает взглядом. А потом – это замечаю

только я! – в его глазах появляется какое-то новое выражение. Новое и странное. Как будто там... нежность, что ли? Не может быть...

Его футболка пахнет остро, очень вкусно, чем-то древесным, горьковатым, и... мужским. Я морщусь нос, потому что боюсь чихнуть.

Этого только не хватает.

– «Рили» светит Тору свой «тишёрт» сжечь, – гнусавый голос Дунаевой узнаю сразу. Научилась бы хоть говорить по-английски, если вечно любит вставлять импортные словечки.

Торопов смотрит в сторону скамеек, где сидит большинство. Желваки играют. А я чувствую жар его тела. Он стоит близко. Очень близко. Мне дико хочется отодвинуться, но этим я покажу свою слабость.

– Да Винчи, Коршун, сумки Мирона и Дуни на базу.

– Что? Ром, ты с ума сошел? Ты...

Друзья Тора, «братья», как они друг друга называют, резво направляются в сторону сидящих.

Девицы что-то орут, шум, гам. Конор опять свистит, а я... я, сама не понимая, почему, стою и в упор смотрю на Тора.

И сердце моё колотится так, словно оно кулак боксера, отрабатывающего скоростные удары по груше.

Дышать трудно. Еле-еле заставляю себя вздох сделать.

– Отдай! Я сказала, дай рюкзак!

– Рот закрой, Дуняшка, а то помогу...

Я спиной чувствую возню на скамье, смотреть туда не хочу, потому что, кажется, мы с Тором играем в гляделки. И я не должна проиграть.

– Сволочь ты, Коршун, гад, отдай! Быстро.

– Зубы не растеряй, Мирон.

Кто-то из парней подходит к нам.

– Щепка, твоё?

Я не могу отвернуться, не могу проиграть ему! Смотрю в упор, стараясь вложить в свой взгляд всю ненависть, которую испытываю. Вспомнить, почему именно я его так сильно ненавижу! И всех их! Почти всех. Мажоров одиннадцатого «Е»...

Уголок его губы дергается, ползёт вверх, а сам он... Тор усмехается, смешно фыркает и опускает глаза.

Я выиграла! Ликую и радуюсь. Но это не точно.

– Посмотри, это твои вещи?

Конечно мои, узнаю сразу, несмотря на то, что в руке Да Винчи они свернуты комком. Киваю, сглатывая.

Но руку к вещам не протягиваю. Понимаю, что он может не отдать их, а сделать финт, поиграть в «собачку», чтобы еще сильнее меня унижить. Попытаться унижить.

Торопов забирает у приятеля мою одежду и буквально впихивает в руки – неужели понял, чего я опасюсь?

– Иди, одевайся, леди Годива, – его шепот снова активизирует ненавистные мурашки. Что б тебя...

Глава 4.

В раздевалке на меня накатывает.

Осознаю, что только что сделала.

Капец... Если бы Сонька узнала! Нет, Сонька бы меня не осудила. Но и не похвалила бы, наверное, тоже.

А вот моя банда из десятого «А», в котором я раньше училась, «сто пэрэ» из меня бы героиню сделала.

Банда. Скучаю, ребятки, как же я по вам скучаю! Выть иногда охота.

– Переделась? – тихий низкий голос бьет прямо между лопаток.

Застает врасплох, не успеваю сгруппироваться внутренне и вздрагиваю.

– Испугалась?

Молчу. Надо просто закрыть глаза, посчитать хотя бы до трех. И повторить как мантру: мне все равно. Мне все равно. Мне все равно.

Меня этому никто не учил. Никто из живых. Есть такие уроки, которые сама жизнь даёт.

Все любят повторять, что надо учиться на чужих ошибках, и продолжают набивать шишки на своих.

– Эй, ты там живая, мышь?

Что ему от меня надо?

Придумал же еще – мышь! Сам он...

Надеваю пиджак, закидываю рюкзак на плечо, беру футболку, которую мне так навязчиво одолжили, поворачиваюсь.

Не смотрю на Тора, который, конечно же, стоит прислонившись к двери, загораживая выход.

– Можно пройти?

– Пройти? Вот так просто? А ты ничего не забыла?

– Сейчас заберешь, или мне постирать? – протягиваю ему его «тишёрт», как сказала бы Дуня.

– Оставь. Дарю.

– Спасибо, не нуждаюсь.

– Неужели? Смотри, пожалеешь.

– О чём?

– Ну... могла бы её загнать на школьном «ауке», бабла бы подзаработала.

Ухмыляется, весь из себя такой вальяжный, спокойный. Хозяин жизни типа, ага.

Школьные «ауки» – аукционы – удивительная мерзость. Лотом может выступить всё что угодно: от свежей сплетни или шмотки популярного парня до, извините, девичьей чести. Еще только я в этом дерьме не участвовала.

– Спасибо, но нет.

– Ну, как знаешь, – он протягивает руку, чтобы забрать футболку. На мгновение мелькает шальная мысль – отвести свою, представляю, как Тор удивится! Вряд ли он ожидает, что и с ним могут поиграть в дебильную игру.

А в следующее мгновение происходит неожиданное – наши пальцы соприкасаются, и мне кажется, я получаю хороший разряд, как от синтетической шмотки, которую резко срываешь через голову так, что искрит.

Отдергиваю руку и чуть стряхиваю, словно пытаюсь сбросить налипшую грязь. Слышу, вернее, скорее чувствую его усмешку.

Тор по-прежнему стоит, загораживая выход.

Это слегка крипово. Не то чтобы прямо пугает, но... не двигать же мне его?

– Дай пройти.

– А волшебное слово?

Что? Поднимаю на него глаза – он серьезно? Впрочем, от меня не убудет, а он ведь считает, наверное, что спас меня.

– Дай пройти. Пожалуйста.

– Меня зовут Роман.

Может, я сплю? Или крыша поехала? Не понимаю вообще, что происходит. Продолжаю смотреть. Без эмоций. Это я умею. Можно сказать – особенный дар. Роман, значит?

– И что мне делать с этим знанием?

– Можно попросить по-другому.

Бесит. Бесит, потому что я не понимаю, что происходит. Зачем он тут стоит и почему не дает мне пройти. Да что за день такой сегодня?

Только собираюсь спросить, чего ему от меня еще надо, как надсадное жужжание телефона сообщает о входящем.

Мама! Кто ж еще! Прекрасно понимаю, зачем звонит.

– Да, мам, привет. Да, еще в школе. Меня заперли в женской раздевалке и не выпускают. Один парень.

Говорю спокойно. Я вообще не люблю расходовать эмоции с некоторых пор. Говорю и не отрываясь смотрю на Торопова. Как меняется выражение его лица, как растягиваются губы в улыбке. Он закатывает глаза, беззвучно ржет, потом закусывает выразительные пухлые губы.

– Мам, я сама разберусь. Если нет – минут через десять позвони директору школы, хорошо?

Отключаюсь. Всё так же глядя на Тора.

– Просто кринж, Мышка.

Молчу. Говорить что-то сейчас бессмысленно. Или он отойдет, или...

Моя мама позвонит директору и устроит скандал. Она может. Я у неё теперь одна осталась, так что за меня она любого порвет на британский флаг.

– Слушай, детка, всего-то надо было сказать: «Рома, дай мне, пожалуйста, пройти», – он продолжает лыбиться, а меня это уже не на шутку раздражает.

– Будем директора ждать или как?

– Почему бы и нет? Представляю, что за цирк она тут устроит.

Он ведь реально не собирается выходить! С него станется! А у меня репетитор, и уроки надо делать, еще я обещала позаниматься с Катькой по скайпу...

– Выпусти меня по-хорошему. Я реально спешу.

– Волшебные слова ты знаешь.

Ах так, значит? Ну прекрасно...

Медленно снимаю рюкзак, потом пиджак, пуговица на блузке...

– Слушай, я понял, ты просто из этих, эксгибиционистка, да?

– Могу назвать номер статьи УК РФ, который тебе придется выучить.

– Всё, стоп, остановись, Мышь. Я уже понял, что ты с кухней не дружишь. Иди.

Он делает шаг, чтобы открыть дверь как раз в тот момент, когда я расстегиваю три верхние пуговицы, и уже видна та самая ложбинка.

Подхватываю рюкзак, собираюсь бежать, но поздно.

Глава 5

На пороге Конор и директор школы Ксения Сергеевна.

Ксения мне не понравилась с первого взгляда. Я пришла в школу как «блатная», и она сразу стала раздавать нам с мамой щедрые неискренние улыбочки, показывая идеальные виниры. Томно расспрашивала о том, какие у меня увлечения, чем я занимаюсь, чем хотела бы заняться, не уставая повторять – «наша гимназия создает все условия, все условия для деток».

Детки... Детки в клетке, если только. Как у Маршака и у Железнякова в «Чучеле».

Я ведь реально шла в эту гимназию с надеждой, что всё будет хорошо. Не может не быть! Должно же когда-то закончиться «плохо»? Должно повезти?

Не повезло.

Стояла первый раз перед классом спокойно, с первого взгляда поняв, что мой нездоровый пофигизм мне тут очень пригодится.

Сейчас Ксения, которую вся старшая школа зовет не иначе как «Ксенон», стояла вылупив на нас с Тором глаза. У неё, кажется, очки запотели даже.

– Щепкина, Торопов, что тут происходит?

– Не видите, Ксения Сергеевна? Щепкина мне в любви признается, готова на всё, чтобы я был с ней, а я объясняю,

что она еще маленькая, надо подрасти. Правильно излагаю?

Я офигеваю и обтекаю молча. Собственно – какое мне дело, что он там несёт?

– Роман, ты... ты понимаешь, что ты говоришь, ты... не успел вернуться, и началось!

– Ксения Сергеевна, ничего не началось, всё закончилось. Щеп... Лера просто забыла мне футболку отдать, – он показывает скомканную шмотку, улыбается своей фирменной улыбочкой, типа, я же такой няшка, как вы можете думать обо мне плохо, просто фу. – Вот, отдала, все в порядке. Мы уже уходим.

– Щепкина, почему у тебя блузка расстегнута, это что такое?

Я отвечать не собираюсь, но по ходу Тор сегодня выступает в роли моего адвоката.

– Так жара стоит, Ксения Сергеевна, батареи так топят, просто атас. Я сам весь мокрый. Так что, можно мы пойдем? У Леры репетитор, она опаздывает. Мы же понимаем – наша главная задача сдать ЕГЭ на «отлично», да? Кстати, у меня скоро игра, хотел вас пригласить.

И снова улыбашка-обаяшка, до тошноты. Держусь, чтобы не показать, что думаю по этому поводу.

В прошлой жизни точно бы в шутку изобразила рвотные позывы.

– Хорошо, Рома, ты можешь идти. А ты Щепкина – в мой кабинет.

Ха! Почти «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться!»

Щаз, с тремя «з», разбежалась! Спешу и падаю!

– Ксения Сергеевна, а зачем ей к вам в кабинет, я могу узнать?

Директриса смотрит на Торопова как на дурачка. А что сказать – не знает.

Ха-ха! Боится, что ли?

– Рома, думаю, Щепкина сама знает, зачем ей в мой кабинет. Щепкина, вперед!

Ишь ты, команды дает, как в цирке.

Жаль, я дрессировке не поддаюсь.

Выхожу из раздевалки, спокойно иду по залу, через пару шагов чувствую рядом обжигающее тепло.

Чёрт, Тор! Нафига он прицепился? Как липучка. Банный лист...

– Не бойся, я с тобой пойду.

Что? Он что, на своих соревнованиях травму головы получил, что ли? С чего вдруг этот аттракцион неслыханной щедрости?

Его горячая ладонь обхватывает мою, а я от неожиданности отшатываюсь в сторону, выдирая пальцы.

– Пусти.

– Мышь, она тебя съест!

Серьезно? Он сам-то в это верит?

– Подавится, – сама не знаю, зачем отвечаю.

– Или отравится, – в тон мне шутит Тор.

А мне не сказать чтобы до шуток.

Мы идем по коридору, чтобы выйти к кабинету директора, надо повернуть налево, но я поворачиваю направо, к раздевалкам.

– Щепкина, стой, ты куда? Я сказала – в мой кабинет! Немедленно!

Эх, сейчас бы сжать руку в кулак, отогнуть средний палец, только этого ваша хваленая гимназия и заслуживает. Но я держусь.

– Щепкина, я за тобой бегать буду? Сергей Иванович, держите её!

Ага, сейчас прям Конан разбежался! После моего выступления в зале он теперь хрен меня пальцем тронет.

– Рома! Торопов, помоги!

– Ксения Сергеевна, у Щепкиной репетитор, ей нельзя опаздывать, сами понимаете!

– Щепкина, завтра с матерью в школу!

Вот тут точно нужен средний палец, еще я маму не волновала по пустякам.

Сдираю свой куртку с крючка, переодеваю «сменку», закидываю ее в мешок.

Тор не уходит, лениво натягивает свою парку.

Игнорирую его, подхожу к двери. У выхода Конор.

– Ну, Щепкина... ты...

А вот ему средний палец показать – вполне. Заслужил.

Делаю это с удовольствием, не глядя, проходя мимо.

– Щепкина!

Слышу, как за спиной ржет Торопов.

– Сергей Иванович, не умеете вы с девушками обращаться. С ними надо нежно, а вы.

– Я тебе покажу, нежно! Так покажу.

– Мне точно не надо, я, конечно, парень передовой, но не очень дружу с радугой, да и статью вроде никто не отменял.

– Что? Торопов, да ты...

Дальше их диалог я не слышу. Выхожу на улицу, вставляю наушники.

Меня нет. Я в космосе.

У самых ворот меня хватают за руку.

– Мышь, не так быстро!

Глава 6

Я ведь знала, что он не отстанет, знала? Конечно.

По спине бежит холодок. Поворачиваюсь, демонстрируя как всегда невозмутимый «покерфейс». И молчу.

Знаю, что стоит сказать хоть что-нибудь – это будет использовано против меня. В любом случае. Даже банальное – «что тебе надо». Поэтому игра в молчанку – лучший союзник.

– Как тебе это удастся? – ухмыляется, выглядит таким обманчиво-дружелюбным.

Молчу. Мне хватило диалога в раздевалке. Сейчас понимаю, что мне просто надо заставить его потерять ко мне интерес. Если буду молчать, рано или поздно ему надоест. Надо еще пальчики скрестить.

– Так. Ясно. Будем молчать. Тебя подвезти?

Торопов кивает в сторону забора, за которым стоит классная спортивная тачка.

Круто, чё, только у меня и это не вызывает эмоций.

Я знаю, что отец Торопова известный в прошлом спортсмен, успешный тренер, шоумен и бла-бла-бла. Деньги на тачку сыну есть, а мозгов, видимо, не так много. Что крутого гонять в восемнадцать? Права папа купил, а сынок считает себя королём дорог.

Видела я этих безбашенных ездоков, которые потом по

больницам в лучшем случае. Чаще по моргам.

Времени у меня все меньше. Поесть точно не успеваю, но у меня в рюкзаке всегда яблоко и фитнес-батончик. И вода.

– Ты опаздываешь. На машине доедем быстро.

Вижу, что он старается сохранять спокойствие, но у него это получается гораздо хуже, чем у меня. Он не нервничает, нет. Просто совсем не привык, что с ним вот так.

Что, мажорчик, мне все-таки удалось слегка погнуть твою идеальную модель мироздания? Когда всё крутится вокруг Тора, а если не крутится, значит, не существует?

Мы с Тороповым стоим почти у калитки, краем глаза вижу компанию Мироновой, которая с шумом вываливается на школьный двор. Явно в кафешке заседали. В школах, конечно, столовые, никаких кафе быть не должно. Но это в обычных школах. А тут же элитная!

Родоки золотой молодежи озаботились тем, где их отпрыски будут отдыхать. Выбили у департамента и место, и разрешение.

Мне не улыбается новая встреча с Мироном и Дуней, поэтому...

– Поехали, только быстрее, – вырываю руку у Тора и направляюсь к его машине.

Конечно, это мне может тоже недешево стоить. Мало ли что взбредет в голову этому придурку. Может, у него все просчитано – завести меня куда-нибудь, поиздеваться...

В рюкзаке спрятаны баллончик... и нож. На всякий слу-

чай. Никто о нём не знает. Хорошо, что в гимназии шманают не особо тщательно.

Подхожу к машине, в последний момент думая: не проще ли сорваться и сбежать? Остановка автобусная рядом, вскочить в любой. Или на маршрутку. Или вообще пёхом...

Но представляю, как будут ржать Миронова и компания. Мне, конечно, до лампочки, но...

– Садись, – Тор открывает дверь. Надо же! Кавалер...

Слышу громкие возгласы мироновской банды, они всё ближе.

– Ром, не боишься с больной кататься? Мало ли... – сама Миронова голос подает, – или тебе стрип-шоу зашло?

– Марин, считай, что зашло. Ариведерчи.

Сажусь в машину, он закрывает дверь.

Что я делаю? Ох и дура ты, Лера. Зачем тебе это надо? Но откатывать назад поздно. Пофиг, пляшем!

– Пристегнулась, Мышка? Тогда вперед!

Тачка срывается с места.

Я не сказала ему, куда мне надо...

Капец. Что, Лера, приплыли?

Глава 6.2

Расслабляюсь. Мне ведь всё равно?

Обидно, что не попадаю к репетитору, Анфиса классная. Заниматься с ней «инглишем» просто кайф. И деньги, конечно, она у мамы не возьмёт.

А ей... нет, ей деньги не так чтобы очень нужны, насколько я понимаю. Анфиса девушка упакованная, всё в ажуре, если не считать инвалидного кресла, с которого она, скорее всего, никогда не встанет. Живёт в шикарном коттедже, одевается в брендовые шмотки...

Нет, блин, кто я такая, чтобы рассуждать, нужны ей деньги или нет? Это её заработок. Если Анфиса работает за деньги, значит, за деньги.

Тор резко тормозит у шлагбаума. Впереди поселок, в котором живет моя преподавательница, он сам и половина упоротых из одиннадцатого «Е». От школы до поселка пешком-то идти минут пять-семь, а уж на тачке...

Почему Тор привёз меня сюда? Он же знает, что я живу не тут? Он что, в курсе про Анфису? Насколько я знаю, у неё из наших занимается только Сёмина, не думаю, что Варька растрепала кому-то, что у нас один препод.

По спине снова бежит холодок, а я стараюсь дышать глубоко.

Спокойно. Надо думать о своём. Даже если Торопов задумает

мал какую-то гадость – мне плевать. Выкручусь.

Зачем я села в его тачку?

Шлагбаум открывается, мы заезжаем на территорию и почти сразу поворачиваем направо. К дому Анфисы.

Или... к чужому дому?

– А ты всё-таки не настолько отмороженная, Щепка.

Давлю желание ответить. Не дождется. Молчание – золото.

– В лице не меняешься, но я прям слышу, о чём думаешь.

Слышит он. Герой како й. Да у него сабвуфер так шпарит, себя не слышишь!

Вижу знакомый коттедж, бирюзовая крыша, кованный забор, так же покрашенный в цвета моря, ровный рядок невысоких туй за забором.

И Торопов лихо проносится мимо.

Чёрт.

Я все-таки позволяю непечатному тихонько просочится сквозь зубы. Чувствую, как раздуваются ноздри, и...

И слышу удовлетворенный смех Тора. Сволочь. Ржёт и давит на тормоз.

Всё равно не буду реагировать!

– Да слушай, ты просто монстр, Калерия.

Бледнею. Стискиваю зубы. Молчи, Лерка, молчи...

Нет! Не могу! Медленно поворачиваю голову. Спокойно.

Просто.

Никто не имеет права называть меня этим именем! Ни-

кто!

Спокойно... пф-ф...

В этом нет ничего страшного, Лера, ты не злишься, ему не удалось вывести тебя из равновесия. Все хорошо. Тебе по-прежнему всё равно.

– Не смей называть меня так. Не смей.

Теперь он молчит. И я расслабляюсь.

Реально, если бы он что-то сказал, я бы сорвалась. Набрехала бы, глаза ему выцарапала. Испортила бы это красивое холеное лицо.

Но он молчит. И не ржёт. Даже не улыбается.

Просто дергает рычаг, и машина, с присвистом срываясь с места, едет задним ходом.

Знакомая калитка.

Значит, знает про Анфису. Ладно!

Если посмеет что-то сказать в её адрес...

А что я сделаю? На улице я с ним драться точно не буду, тут я реально как мышь против кота.

С другой стороны, пацаненок Давид же победил великана Голиафа?

Тор выходит из машины.

Я дергаю ручку со своей стороны, не открывается.

Он подходит, открывает передо мной дверь, галантно предлагая руку. Надо же какой «жентельмен», как говорила физичка из моей прошлой школы.

– Прошу, мадемуазель.

Игнорить помощь ведь невежливо? Хотя при том бэкграунде, который есть у меня с Тором, о вежливости вообще можно не вспоминать.

Но я все-таки подаю руку, не зная, о чём думаю.

У него горячая ладонь. И сухая. А у меня ледяная и влажная.

Это, пожалуй, единственное свидетельство того, что у меня всё-таки есть эмоции.

– Замёрзла или перепугалась, а, Мышь? Всё в порядке, не паникуй.

Я всё еще не готова отвечать ему, закидываю на плечо рюкзак и, обходя мощную фигуру Тора, двигаю к дому, притормозив у калитки.

Поднимаю ладонь, чтобы нажать на звонок, но его рука оказывается проворнее.

Он ведь не потащится за мной? Мне надо как-то его оставить.

Вот же... пиявка! Прилипала. Прицепился, как...

– Слушай, Торопов, спасибо тебе, конечно, что подвез, но можно дальше я сама? Боюсь, в этом доме не поймут, если я появлюсь с тобой. Тебе же не нужны проблемы?

– Знаешь, что только что произошло, Мышь? – чёрт, он шепчет прямо на ухо, и гадкие мурашки рассыпаются по коже в темпе *prestissimo*. – Цунами смыло Японские острова. В курсе, почему? Ты сказала мне спасибо – это раз, ты заговорила со мной – это два. И ты вышла из себя – это три.

Я вышла из себя? Да он просто охренеть какого высокого мнения о своей персоне, если считает, что я из-за него вышла из себя!

Кретин. Наглый, тупой кретин!

Лучше бы я молчала.

– Лера, это ты? – голос Анфисы из домофона заставляет собраться.

– Да, Анфиса...

– Это мы, Анфис, открывай!

Его бесцеремонность реально меня выводит! Он считает, что может со всеми запросто играть?

Я могу быть безразличной, когда дело касается меня. Но когда задевают людей, которые мне дороги...

Резко поворачиваюсь, толкая Тора. Не стоит недооценивать элемент неожиданности! Он отшатывается и ухмыляется.

– Ты, сволочь, ты не посмеешь зайти в этот дом, понял, ты... только посмей, я не знаю, что я с тобой сделаю! – говорю низким тоном, тихо и так, чтобы понял – я реально ему угрожаю, и я реально готова на всё!

– Извини, Мышь, мне, конечно, очень страшно, но я зайду. Я живу тут, поняла?

Глава 7

Ему удалось.

Удалось реально вывести меня из равновесия.

Вот сейчас. Что-то пошатнулось. И мне... мне всё сложнее дается мое внешнее безразличие.

То, что при этом я просто молчу – стечение обстоятельств. Я, как говорят, язык проглотила. Именно.

Торопов распахивает передо мной калитку, сгибается в шутилом поклоне указывает рукой вперед, приглашая.

Это просто треш.

Меньше всего я ожидала вот такого поворота.

Но он же не обманывает?

Я не смотрю на него, стараясь ничем себя не выдать, и уверена, что у меня хорошо получается, но слышу сзади низкий шепот:

– Все-таки один ноль в мою пользу, Щепочка, мне таки удалось...

Удалось меня удивить? Он это имеет в виду?

Да. Точно. Удалось.

Захожу в калитку, иду по дорожке. У Анфисы красивый ухоженный двор, даже сейчас, в середине ноября, он выглядит уютно, хотя листьев на деревьях уже нет, шикарные можжевельники ярким зеленым пятном обрамляют лужайку. Газон до сих пор зеленый. Снега в столице всё ещё нет. Алые

ягоды калины полыхают на сухих ветках.

Да-да, я специально размышляю о всякой ерунде, пытаюсь забить мозг, заставить его не думать о Торопове.

Почему он живёт с Анфисой? Кто она ему? Мать? Нет. Слишком молодая. Мачеха? Тоже нет. Его отец точно женат на его матери.

Стоп, Лера, стоп!

Тебе это неинтересно. Если Анфиса захочет – скажет. Если это важно. Если это как-то повлияет на наши занятия.

Дверь дома открывается автоматически, в проеме я вижу коляску Анфисы.

Есть ли у меня слабая надежда на то, что Тор врёт? Скорее нет, чем да.

Почему-то я сразу верю, что всё реально.

Только странно, почему я не знала этого раньше?

Правда, я занимаюсь у Анфисы не так давно, с середины сентября, получается почти два месяца. Тор впервые появился в школе как раз в то время, когда я попала к ней. Недели две назад он снова уехал то ли на сборы, то ли на соревнования.

Поднимаюсь на крыльцо, прохожу. Спиной чувствую тепло. Просто потому, что огромная фигура Тора маячит за мной.

– Hello, how are you? Лера? Ромка, привет.

– Привет, Фис, я вам не помешаю?

– Если не будешь шуметь, громко слушать музыку, орать,

прыгать, а сядешь тихонько в уголке и закроешь рот, то нет.

Я не верю ушам своим. Он что, будет сидеть на уроке? Извините, но я на это не подписывалась.

– Извините, Анфиса, я, наверное, не смогу сегодня заниматься.

Хочу повернуться, чтобы уйти, но Тор загораживает проход, да еще и начинает ржать, опять как конь.

– Мышь, она пошутила. Я к себе пойду, только заскочу на кухню, похаваю быренько, мне потом тоже на тренировку.

– Роман, я, кажется, настаивала, чтобы в моем доме без «похаваю» и без «быренько», за языком следи и не грохочи аки парнокопытное.

– Фис, плиз, не лечи.

– Роман Игоревич! Я бы попросила! Лер, извини нас, племянник неуправляемый, только переехал ко мне, и уже началось. Смотри, отправлю домой, будешь знать!

Стою столбом. Не знаю, что делать. Глупая ситуация. Зато я уже кое-что знаю.

Рома племянник. И раньше он тут не жил. Интересно, почему сейчас?

– У родичей в доме ремонт, они свалили в поместье, а у меня школа. Давай куртку, Мышь.

Я замираю, потому что Торопов сам снимает с моего плеча рюкзак и тянется, чтобы помочь снять куртку.

– Какая она тебе мышь, Ром? Веди себя прилично. Приготовь нам кофе и принеси из кухни канапешки и макаронки.

– Я не буду ничего, спасибо, – выдавливаю из себя, стараюсь сохранять лицо.

– Не тушуйся, Щепкина, ты же голодная? – Тор иронично приподнимает бровь, знает, подлец, что выглядит при этом весьма эффектно. Но я не ведусь. Я не западаю на смазливых качков.

Не западаю! Я вообще ни на кого не западаю.

– Кофе я выпью. Если можно, с молоком и без сахара, но есть не буду. Это лишнее.

– Капучино пойдет? Канапешки легкие с овощами, а макаронки – это пирожные такие, кругленькие, разноцветные.

Ага, и обязательно разговаривать со мной как с дебилушкой неотёсанной. Что такое пирожные макароны я прекрасно знаю. Мама тоже их макаронками называет.

– Ром, подай Лере тапочки и иди уже, устроил представление, не думала, что ты так ведешь себя с девушками.

– Как?

– Как шут гороховый. Мне казалось, ты у нас парень неглупый. Лера, проходи в кабинет, детка.

Анфиса ловко разворачивает коляску, едет по коридору и скрывается за дверью. Мы с Тором остаемся наедине. Коридор довольно просторный, светлый, но почему-то сейчас он кажется мне тесным и темным.

– Обувь снимай, тапки сейчас дам.

– Я могу сама взять.

– Нет уж, тетушка сказала, чтобы я подал, а я привык слу-

шать старших.

– Да неужели...

Это вырывается непроизвольно. Хочется прикусить язык, но поздняк метаться.

– Ты зачем устроила это шоу в зале?

Что? Он серьёзно? Думает, я буду с ним это обсуждать?

– Sorry, but I have to go to class.

– Ok, honey, see you later.

Сам ты... сладенький.

Не изменяя маске «мисс Пофигу», снимаю ботинки. Тор ставит перед моими ногами милые меховые тапочки, а потом... потом неожиданно накрывает ладонью мою ступню.

– Такая маленькая...

Глава 7.2

Он ведь знает, что я не буду реагировать? Он поэтому так делает?

Знает, что я не начну кричать, не буду его толкать. Ничего не сделаю.

Не потому, что я боюсь напугать Анфису.

Просто потому, что не буду, и всё.

Я замираю.

Мы замираем. Стою на каменной плитке в одних носках.

Тор сидит у моих ног.

Его рука обжигает. Зачем он...

Секунда, две, три... Рома убирает ладонь, пододвигая ближе мягкий тапок.

– Надевай. Капучино, значит, – голос безразличный, пустой.

Он поднимается, поворачивается, чтобы идти на кухню.

Выдыхай, Щепкина, выдыхай.

– А зачётная у тебя «двоечка», я бы – да, – голос выцарапывает где-то внутри огненные всполохи.

Придурок. Кровь опять отливает от лица.

Хотя чего я ждала? Теперь это будет шутка номер «раз» у распрекрасного одиннадцатого «Е». Особенно если Тор завтра повторит эту фразу в классе. Или просто шепнет кому-то из подпевал, или Да Винчи, или Коршуну.

Хотя они не считаются подпевалами. Они типа кореша, братья, все трое равны.

Три моральных урода.

Ладно, Лерка, забей. У тебя занятие. Анфиса ждет.

Захожу в кабинет, улыбаюсь, ненавязчиво бегло оглядывая его, словно я тут в первый раз. С удовольствием отмечаю, что вокруг нет никаких явных признаков присутствия Торопова, значит, я не пропустила домашнее фото с племянником.

Странно, что моя репетитор не сказала о том, что её родственник учится со мной в одном классе. Ну да ладно. Она не обязана была говорить. А я не обязана спрашивать.

Мы погружаемся в бойкую беседу, посвященную путешествиям, обозначениям разных действий сразу в трех временах, настоящем, прошлом и будущем.

Что мне нравится в методике Анфисы – она не готовит к долбанному ЕГЭ, единому, чёрт бы его побрал, государственному экзамену, ярмарке тщеславия, а не знаний.

Анфиса учит языку. И мне нужен язык, а не баллы.

Если я буду знать язык – я сдам. А если не сдам... в конце концов, обучение можно оплатить, и мама и папа не раз говорили мне о том, чтобы я не доводила себя до крайностей и не очковала.

– Дочь, если ты не сдашь – мир не рухнет, ничего страшного не случится. Деньги на обучение я заработаю, – папа повторял это постоянно.

Папа тоже в курсе, что провалить экзамен – не самое страшное в жизни.

Мой папа врач. Он... он знает, что говорит.

И мама. Мама тоже доктор. Ей тоже известно, что есть вещи гораздо страшнее оценок и баллов.

То, что не получается иногда даже купить, даже за очень большие деньги.

И мне это тоже известно. Очень хорошо.

Неожиданно хлопает дверь.

– Excuse me, ladies, your coffee.

Произношение у него отличное, и голос звучит иначе, как-то... благороднее, что ли, богаче. Торопов закатывает в комнату столик, на котором чашки кофе и тарелочки с пирожными и закусками. И два стакана сока, явно свежевыжатого. Он улыбается Анфисе, которая тоже отвечает улыбкой.

– Thank you, sweetheart, you are cute as always!

Разумеется, тут, дома, со своей очаровательной тетушкой Торопов будет «cute as always», он ведет себя почти как примерный мальчик, паинька. Интересно, знает она о том, каков ее племянничек на самом деле?

Сама не замечаю, что пялюсь на него, а он... подмигивает? И уходит. А я залипаю на дверь, которую он закрыл.

– Лера, are you ready to continue the lesson? – нежный голос Анфисы заставляет вздрогнуть и повернуться к ней.

– Yes, – улыбаюсь, стараясь быть милой.

– Well, and I would try a cup of coffee and a cake that this

cute boy brought us. And you?

Да уж... милый парень принес кофе. Отказываться неловко, тем более что Анфиса всегда меня чем-то угощает, я привыкла, но сегодня...

– Sorry... I don't want...

– Лера, не кочевряжься, пей, я знаю, ты домой не успела, голодная, семь уроков, да еще физкультура на закуску...

– Yes...

– Лерка! Пять минут перерыв от английского, расслабляйся и вспоминай родной язык. Что ты там устроила вашему Конору в зале? Ромка сказал, что завтра вся школа на ушах стоять будет.

Ого... когда Тор успел ей растрепать? Бледнею как мел. Нет, моя выходка и сейчас кажется мне единственно правильной. Но... Почему-то Анфисе рассказывать об этом не очень удобно.

И эти слова – действительно, завтра вся школа будет гудеть, потому что никто из ненавистных мне «ешек» молчать точно не будет.

Думаю, Миронова и компания уже просветили всех, кто был в кафе.

Что ж, Калерия, еще одна проверка на прочность? Нам не привыкать.

Посмотрим, кто сильнее. Элитная гимназия для тех, кто живёт в шоколаде, или железная Щепка?

Анфиса смотрит на меня, молчит, отпивает немного ка-

пучино, пенка оседает у неё на губе.

– Да, Лера, ты удивительная.

– Я обычная. Хотели надо мной постебаться, я не дала.

Вот и всё.

– И это не первый раз, правильно?

Да уж. Не первый. И даже не второй. Ухмыляюсь, отводя взгляд.

– Пей сок, Лер.

– Спасибо.

– Ромео тоже участвовал?

Понимаю, о чём она спрашивает. Участвовал. Еще как. Собственно, с него-то всё и началось. Не первого сентября, позже. Первого меня никто особенно не заметил...

Глава 8.

Первого сентября я осознала – мои надежды на то, что в московской элитной школе мне будут рады, рассыпались.

Как надежды Волдеморта в Годриковой впадине – кто любит Гарри Поттера, тот поймет.

После я даже посмеялась сама над собой. На что я, собственно, рассчитывала? Где я и где они? Где они – и где я?

Понятно, что почти все тут родились с золотой ложкой во рту. Живут в роскошных домах, с детства упакованы по полной программе, одеваются в модных бутиках, телефоны последних моделей, те, кому восемнадцать, уже приезжают на своих тачках, других – привозят водители.

Они могли бы учиться, наверное, в элитных западных колледжах, но, видимо, их родителям по каким-то причинам нужно, чтобы отпрыски оставались на родине.

С первого взгляда на стайку девиц в такой же, как у меня, форме понимаю – такая же, да не такая. Юбки укорочены, пиджачки приталены, туфли на каблуках и кокетливые бантики на длинных гольфах, больше похожих на короткие чулки. Хм... Не то чтобы я увлекалась фильмами для взрослых, но, похоже, образы мои будущие одноклассницы слизали именно оттуда. Хорошо, что так одеты не все. Но я сразу определяю, эти – главные.

В каждой школе, в каждом классе, да, наверное, в каждом

коллективе так – есть своя королева, вокруг неё собирается кучка подпевал.

– Мирон, у нас тут по ходу новенькая? – на меня обращает внимание высокая девица с ярко-розовыми прядями в волосах и такими же розовыми пухлыми губами.

Я стою поодаль, спокойно взираю на разыгрывающийся передо мной спектакль. Длинноногая дева в ультра-мини и на высоченных каблуках поворачивается в мою сторону, смотрит так, словно меня нет, пустое место, возвращает голову на место и выдает:

– Не вижу никого, заслуживающего внимания.

Ох, а я-то уж было обрадовалась!

Усмехаюсь, до того это глупо, демонстративно и пошло выглядит. Спокойно прохожу мимо них, подхожу к учительнице, которая держит табличку с номером класса.

Одиннадцатый «Е».

Да-да, и в элитных школах все так же. Учителя с табличками. Не знаю, может, конечно, где-то не так, но тут, в «пятисотке», в этом плане всё по старинке.

И герой, который несет первоклашку с колокольчиком. И группа учредителей, вещающих про достижения выпускников-медалистов. И директриса, елейным голосом обещающая родителям научить их любимых чадушек всему самому главному.

Увы, врет. Самому главному их, кажется, уже не научили. По крайней мере, «ешек» точно.

Никто из них даже не пытается со мной поздороваться, познакомиться. Элементарно из вежливости спросить, откуда я.

Не только курятник Мироновой, но и те, кто с ними и близко не контактирует. А я сразу понимаю, что в классе как минимум два лагеря. Элитные и те, что попроще.

Наши «бомжики» – именно так их именуют более удачливые одноклассники.

И – да, я тоже теперь «бомжик».

Линейка идет полным ходом, когда появляются два новых персонажа. Это, как я почти сразу узнаю из криков, Да Винчи и Коршун. И они тоже «ешки».

Тот, кого называют Да Винчи, скользит по мне взглядом, высоко поднимает бровь, ухмыляется и вопросительно смотрит на местную звезду по кличке Мирон. Та поводит плечиком и морщит нос.

С дебильного на человеческий этот тупой обмен мимикой означает примерно следующее:

– Это кто, новенькая?

– Это никто.

Да, то, что я для них никто, я понимаю сразу.

Понятливая.

Сказать, что я сильно расстроилась? Честно?

Ну, если совсем честно, то в какой-то степени да. Потому что у нас, в моей старой школе, в моем родном Брянске я была, наверное, на месте Мирона – Марины Мироновой.

Правда, я не гнобила тех, кто не вписывался в нашу банду. И вообще не была гламурной су...

Просто мы были активные, веселые, деятельные. Устраивали в школе различные мероприятия, иногда довольно криповые, как школу зомби на Хеллоуин. Да-да, даже директора заставили пройти обучение. А на следующий год устроили нападение тех самых зомби... тоже было весело.

Ну, может, нам, конечно, всё сходило с рук, потому что моя лучшая подруга Ленка Долгова была дочкой директора?

Несмотря на тотальный игнор, первая школьная неделя прошла нормально.

Никто меня не цеплял – и то хорошо. Это я поняла после того, как понаблюдала, как Да Винчи и Коршун прицепились к одной девчонке из параллельного класса.

Сначала легко троллили её в столовке, потом в коридоре, по дороге к выходу, уже на улице начался какой-то лютый трешняк. Начала драмы я не видела, только финал. Девчонка упала, сильно разбив колени.

Я была единственная, кто помог ей встать.

– Надо в медпункт, промыть.

– Я не вернусь в школу.

– У меня есть антисептик и платки.

– Не надо. Лучше не светись со мной.

– Почему?

– Ты и так пария, еще хуже будет.

Я пария? То есть неприкасаемая? Какая новость. Ну что

ж...

– Если я пария, что мне терять? Или ты тоже не хочешь принимать от меня помощь?

– Я домой хочу. Можешь меня до машины проводить?

– Да, конечно.

Её звали Селена. Красивое имя. И сама она показалась мне очень симпатичной. Жаль, общения у нас не вышло.

Через пару дней я увидела её в школе, кивнула, но она не ответила, просто посмотрела мимо меня.

Пария. Неприкасаемая. Прикольно.

В таком качестве мне еще не приходилось бывать.

Пролетела еще неделя. Я хорошо показывала себя на занятиях, учителя были довольны. Особенно «англичанка» и «русичка». С математикой я тоже, в принципе, дружила, но не сказать чтобы очень любила. Физика и геометрия – мой полный провал. Химия и биология – тоже сносно, что неудивительно, учитывая родителей врачей в анамнезе.

Да, слово анамнез мне известно хорошо, даже более чем хорошо. Увы.

А потом в один непрекрасный понедельник, опаздывая на урок, я столкнулась с ним.

С Тором...

Глава 8.2

Спешу по коридору, на ходу листая школьный чатик.

Да-да, представьте! Пришлось им добавить-таки меня, как ни отбрыкивались. И мне так же пришлось добавиться несмотря на то, что чатики такие для меня просто треш и угар.

Я бы не стала присоединяться к этому серпентарию, да и читать противно, но, увы, просто рабочего чата, где сообщали бы все новости нужные, у них нет. Вернее, он есть, это он и есть! Но только некоторые особо «умные» считают, что рабочий чат можно и нужно засорять всякой ересью.

Листаю, пытаюсь найти информацию о том, где же будет следующий урок и какой. О том, что у нас замена, я узнала от завуча, которая отловила меня внизу и попросила принести на урок классный журнал – да, представьте, в этой школе он есть! Не электронный, который, конечно же, тоже имеется, а самый ни на есть обычный, бумажный, в толстой обложке.

Журнал надо взять из нашего классного кабинета – кабинета русского языка, и отнести туда – не знаю куда.

Потому что физик укатил с учениками на какую-то олимпиаду, и вместо физики у нас какое-то другое занятие. Какое и где – классный чатик в помощь.

Ключ от кабинета завуч мне всучила, а вот какая замена, сказать забыла, отмахнулась, мол, вся «инфа» есть в чате.

Да, она есть, вернее, была, но вот после информации о замене там еще стопицот постов о том, нафига нам вообще идти на этот урок, а может, посидим в кафе, а давайте забьем, кисуля, ты мне помаду принесла, котики, кто со мной после уроков в «Меридиан» – это местный торговый центр, и так далее, и тому подобное.

Я каждый раз, читая это, дико бешусь! Зачем мне знать про ваши помады и котиков? И про сходки в «Меридиане»?

Бегу, пыхчу, обзывая слишком общительных одноклассников непечатными, и внезапно врезаюсь в столб.

Ну, по крайней мере, искры у меня из глаз летят такие, словно я натурально вписалась в бетонную стену.

– Алё, крошка, тебя не учили смотреть, куда идешь, а?

– Извините.

Поднимаю голову и вижу его.

И думаю, что он классный. Ну, знаете, прямо вот сразу, самая первая мысль, которая у меня обычно бывает правильной.

Классный!

Высокий, явно спортивный – пиджак красиво обтягивает его плечи и руки. Волосы каштановые, челка падает на лоб, глаза синие, красиво очерченный рот, скулы высокие и нос немного неправильной формы. Он не красавец, ну, в том смысле, что черты лица не классические...

Понимаю, что пялюсь на него и это очень тупо.

– Всё изучила? Или еще посмотришь? – даже ухмылка у

него наглая, но классная.

– Извините, – не нахожу ничего лучше, чтобы снова произнести дебильное, не очень уместное слово.

Тушуюсь, сама не понимая почему. Хотя нет, понимаю, конечно. Реально ведь вылупилась как дурочка! Пытаюсь его обойти, но он почему-то делает шаг в сторону, преграждая путь.

– Ты вообще чего тут забыла? Это этаж для взрослых.

Что? Он мне это говорит?

Поворачиваю голову. Что ответить? Что я взрослая? Это же тупо!

Неужели он сам не видит, что на мне форма старших классов? И не настолько уж я низкого роста, чтобы надо мной глумиться.

Вместо ответа молчу. Просто оглядываю его еще раз.

Классный всё равно. Несмотря на то, что хам. Или... он со мной заигрывает?

В принципе, я-то как раз не удивлена была бы.

Я знаю, что я далеко не уродина. Более чем далеко! И в родном городе от кавалеров отбоя не было. Несмотря на то, что ростом, по современным меркам, я реально не вышла. Да, всего сто шестьдесят пять. Все мои подружки обычно были сантиметров на пять выше.

Зато у меня красивые глаза, тонкие черты лица, губы пухлые, свои – я тут с ужасом узнала, что у некоторых одноклассниц уже надутые! Мамочки! В одиннадцатом классе! И

даже в десятом есть такие! О май гад!*

И фигурой бог не обидел. Все на месте.

Да и волосы у меня очень красивые, длинные, почти белые, очень светлые, конечно, это не только природа постаралась, но мне идёт. Я не альбинос, ресницы и брови темные.

В общем, в Брянске я была популярной. А тут...

Тут я пария. Однозначно.

Хотя мне кажется, некоторые парни не против были бы со мной познакомиться поближе. Но по ходу авторитет у Мирона и ее команды, а также у Да Винчи и Коршуна большой.

Это они почему-то сразу решили отправить меня в тотальный игнор. И остальные им тупо подчиняются.

Сначала мне было обидно, ну, наверное, первые пару дней. А потом я подумала, что общение с людьми, которые вот так дебильно идут на поводу у кучки местной «илитки», мне нафиг не сдалось!

И я сама стала вести себя так, как будто мне очень даже в кайф быть неприкасаемой.

И это даже, скорее, правда.

Я настолько привыкла к роли невидимки, что это столкновение с классным парнем в коридоре и его действия меня выбивают из колеи.

Не может он со мной заигрывать!

Или... или может?

И вообще, он кто? Пиджак у него вроде бы форменный, но на ногах джинсы, и вместо рубашки футболка-поло.

– Солнышко, ты что, глухонемая?

– Нет, – выпаливаю машинально.

Он ухмыляется, и я вижу ямочку на щеке. И еще у него небольшая щетина над губой.

Он классный.

В груди становится непозволительно жарко.

Глава 9

Разглядываю его, а в голове не самые веселые мысли.

Даже если он со мной заигрывает – это все зря, если он учится в этой школе, то... скорее всего, я стану неприкасаемой и для него тоже.

Интересно, он из «ашек» или из «бэшек»?

В этом здании три одиннадцатых класса, класс «А», класс «Б» и класс «Е».

Где остальные буквы – я так и не поняла. Вроде бы «ешки» были «ешками» с первого класса и потребовали сохранить букву, даже когда классов стало меньше.

– Так куда ты летишь, чудо говорящее?

– За журналом лечу, – выпаливаю машинально, не знаю зачем.

– Помочь? Потерялась, что ли? Говорю же, малышка, тут учатся взрослые.

А вот сейчас уже бесит! Он специально?

– Ты не поверишь. Я тоже из них.

– Ого, – снова ухмылка, кажется, он оценил мои слова. – Взрослая, значит.

– Взрослая.

– И как же тебя зовут, взрослая?

Да, похоже, он не самый удачливый пикапер. Подкаты,

скажем прямо, не айс.

– Давай потом познакомимся, я спешу.

Обхожу его, чувствуя странное напряжение во всем теле. Но сбежать он мне не дает, хватая за руку, останавливая.

– погоди, резвая, я понял, что спешишь. Есть желание познакомиться?

Да неужели? Он серьезно? Или я просто еще не в курсе местных способов завести дружбу? Со мной же никто не изъявил желания пообщаться.

– Ты первый спросил, как меня зовут. Пусти, правда, мне нужно журнал забрать.

– Какой кабинет?

– Я отчитываться должна?

Понимаю, что торможу я зря, мне надо бежать за журналом. Звонок уже прозвенел, в коридорах пусто, а я зависаю с этим. Но, честно, мне нравится эта игра. Впервые в этой долбанной гимназии мне что-то нравится!

И еще...

Еще мне интересно, что будет делать этот классный парень, когда узнает, что я местная пария? Хуже сказать – приезжая чмошница, с которой никто не хочет иметь дела?

Он тоже, как и Селена, сделает вид, что меня не существует? Или у него все-таки есть свое собственное мнение?

– Слушай, малыш, я же «рили» помочь хочу.

«Рили»? Иностранных слов у Дуни нахватался? Дуня – это та, с розовыми волосами, «шестёрка» Мироновой. Лю-

бит вставлять английские словечки, произношение – просто треш, Грибоедов, кажется, писал про смесь французского с нижегородским? Тут хуже, британский с гольяновским, хотя я не уверена, что москвичка Дунаева в курсе, что такое Гольяново. И в этом знаменитом на всю страну благодаря «кавээнщикам» районе столицы она точно ни разу не была. Но говор явно оттуда.

– Если хочешь помочь, надо не стоять, а идти.

– Окей, мышка, вперед.

Мышка?

Почему-то мне даже нравится, что он называет меня так.

Глава 9.2

У меня в груди почему-то жарко и приятно. И вообще, предвкушение чего-то радостного, каких-то крутых перемен. Почему-то уверена, что сейчас случится что-то хорошее. Не знаю, наверное, его милая ухмылка на меня так действует.

Я же вижу, что он классный, да? Чувствую? Я редко ошибаюсь в людях, и сейчас... мне очень, очень, очень не хочется ошибиться!

Он берет меня за руку.

– Какой кабинет?

– А... м-м-м... Русский.

– Понял, – опять раздвигает губы в улыбке, – бежим туда.

Сказав это, мой новый еще пока незнакомый знакомый резко срывается с места и несется, я еле за ним поспеваю.

– Погоди, не так быстро, я...

Он чуть притормаживает, на ходу поворачивая голову и ухмыляясь.

– Сама сказала, торопиться!

– Да, и, по-моему, ты бежишь не в ту сторону!

– Это ты шла не туда, по этому коридору короче.

Возможно, он прав, я еще не так хорошо выучила тут всё. У нас школа была проще, типовая. Три этажа, коридор в кры-

ло, где столовая, кабинеты труда, актовЫй и спортивный залы. А эта гимназия построена по какому-то суперкрутому индивидуальному проекту. Она квадратная. Каждый этаж можно пройти насквозь, четыре лестницы по углам. И я все время путаю, в какую сторону какой кабинет.

Мы выскакиваем на лестницу, он неожиданно резко тормозит.

– Устала?

– Я? Нет.

– Запыхалась, Мышка. Откуда такая? Я тебя раньше не видел.

– От верблюда. Я тебя тоже не видела.

– Новенькая?

– А ты старенький?

Опять ухмылка. Думаю, если бы он пел в каком-то бойз-бенде, все фанатки бы писали кипятком. Боже, о чем я только думаю!

– Старенький, ага, еще какой. Ладно, побежали, тут уже близко.

Мы опять мчим по коридору, и я уже чувствую, как меня снова захлестывает какой-то радостной эйфорией, когда он резко открывает дверь и затаскивает меня... в мужской туалет?

Весело, ничего не скажешь.

Испугаться не успеваю.

Он прижимает меня к стене, смотрит свысока, но ухмылка

все еще веселая. Наверное, поэтому я его и не боюсь.

– Ну, привет еще раз, Мышка.

– Ну привет. И что за прикол? – сердце сразу стучит на повышенных оборотах где-то в горле.

– Ты же хотела познакомиться? Значит, будем знакомиться. Тут никто не помешает.

– Извини, желание познакомиться пропало. Пусти, – дергаюсь, но куда там!

Ладно. Все ясно. Надо успокоиться.

– А если нет, что? Будешь орать, Мышка?

– Орать? Нет, не буду. Просто подожду.

– Подождешь чего? – мне явно удалось его удивить. Только вот это почему-то уже не радует. И вообще, радость случась, утекла в чистейший сток местной канализации.

Кажется, я всё-таки хреново разбираюсь в людях.

– Подожду, когда тебе надоест меня держать.

– А если не надоест.

– Значит, вместе умрем от голода или жажды.

– Невесело как-то.

– Не говори...

Я смотрю ему прямо в глаза. Синие, красивые глаза. Он уже не ухмыляется. Лицо стало жестким.

И кажется, то, что он сейчас сделает, мне совсем не понравится...

Глава 9.3

– Какая милая маленькая мышка...

Он наклоняет голову ниже, к моему лицу.

Я не двигаюсь, не отстраняюсь. Мысленно стараюсь считать. Просто медленно считаю: раз, два, три...

У него свежее дыхание. Мятная жвачка или зубная паста. И зубы красивые, ровные такие.

И губы... совсем рядом с моими.

– Красивая мышка не боится?

Я молчу.

Красивая? Крутой комплимент, учитывая ситуацию, в которой он сказан.

Не то чтобы я не боюсь. Просто думаю, вряд ли в школе, в разгар учебного дня, пусть и в мужском туалете, он сделает со мной что-то по-настоящему плохое.

Такое плохое, за которое можно получить реальный срок. Хотя кто знает, может, он со справкой? Или уверен, что папочка отмажет?

Они же тут все такие смелые, потому что за спиной папочки...

Вот и эта девчонка, Селена, которую травили, не стала никому жаловаться, видимо, потому что знает – эти останутся безнаказанными.

А я вот буду жаловаться, еще как буду. Если что.

И прямого насилия не допущу. Зубами загрызу, сопротивляться буду до последнего.

– Ладно, что ты, не бойся, чего так напряглась. Я ничего плохого не сделаю.

Неужели?

Смотрю прямо перед собой, дышу. Мне нестрашно.

Реально ни капельки не страшно. Он думает, что сделает что-то мерзкое – и что? Унизит меня? Обидит? Сделает больно?

Наивный.

Унизить можно только того, кто готов быть униженным. Я не готова. Я выше этого. И выше обид.

И мне плевать, что сделает этот холеный красавчик.

И с чего я, дуручка, решила, что он классный? Самый обыкновенный мерзкий мажор.

– Вкусно пахнешь. Духи какие-то?

Продолжаю молчать и считать. Уже до двухсот дошла. Полёт нормальный.

– Так как тебя зовут, мышонок, скажешь?

В голове шумит. Набат настоящий. Это оттого, что я слышу движение крови по венам. И работу сердечной мышцы. Это нормально.

– Меня зовут Роман. Запомнишь? Друзья называют Тор.

Тор! Значит, вот ты какой, великий и ужасный Тор, Торопов... Столько о нём слышала, но ни разу не видела... Не

видела, потому что в школе он с первого сентября не появлялся, из доносящихся до меня периодически обрывков разговоров я понимала, что этот загадочный Тор, приятель Да Винчи и Коршуна, то ли на соревнованиях, то ли на сборах. А может, и всё сразу. Его фото даже висит на главном школьном стенде, вот только я его не рассматривала.

Видимо, зря...

– Ага, кажется, Мышка знает, с кем дело имеет, да? И что? Даже не скажешь, что тебе приятно?

Он чуть отстраняется, смотрит внимательно, как на кролика подопытного.

– Неприятно, значит. А если так?

Я вижу, что он опять делает движение ко мне. Я могла бы, наверное, попытаться его отпихнуть, пнуть коленом в пах. Но я понимаю – это все ему как слону дробина. Только раззадорит, рассмешит. Поэтому лучше не шевелиться. Более правильная тактика.

Как с медведем – раньше говорили, что при встрече с медведем надо лечь и прикинуться мертвым. Не знаю, работает ли такое поведение, но...

Его губы накрывают мои.

Резко. И шум в голове усиливается. Сжимаю зубы, пытаюсь отвернуться, а когда он со смехом отстраняется, размахиваюсь и впечатываю ладонь в его щеку. Со всей дури даю пощечину.

И сразу понимаю, что зря.

Глаза Тора превращаются в две хищные щелки, его рука оказывается на моем горле.

– Мышка решила показать зубки?

Глава 10.1

А потом он просто смеется!

Не ржет как конь, издевательски, не глумится. Просто смеется! Словно вся эта ситуация его забавляет и радует.

Гипнотизирую алое пятно от своей ладони на его щеке. Рука ноет.

– Слушай, Мышь, а ты классная.

Да неужели? Очень прикольно так говорить, сжимая пальцами моё горло.

А ты вот, хренов Тор, нифига не классный. Это я понимаю, и интуицию свою, и дар предвидения хочется в который раз поставить в угол.

Он снова смотрит на меня, осторожно убирает руку, я сглатываю.

– Знаешь, меня еще никто из девчонок по роже не бил, заводит.

– Поздравляю с премьерой, – понимаю, что лучше бы мне и дальше молчать, но не могу отказать себе в удовольствии.

Да и вообще, такое чувство, что что бы этот Тор теперь ни сделал со мной – хуже уже не будет.

Противно.

Противно, что он считает себя вправе вести себя подобным образом. С девушкой! С тем, кто заведомо слабее.

Его рейтинг тут же улетает в минуса.

Он просто таракан, мерзкий, противный таракан. Его легкие усики над верхней губой как раз кстати.

А он ведь мне почти понравился. Да даже и не почти.

– Что смотришь? Хочешь, повторим, а? Или ты еще ни с кем не целовалась?

Кретин. Урод моральный.

Ненависть во мне поднимается, бурлит.

Целовалась я! Очень даже! Вот только таким мажорикам мерзким об этом знать не обязательно.

– Я бы повторил...

Он щек снова отликает кровь. Я бледнею. И губы становятся синими, я прямо чувствую это.

Мама раньше очень пугалась, потом ей сказали, что такое бывает. Да, еще были проблемы с сердцем, с клапаном, это сейчас у многих. С возрастом прошло. А вот посинение губ почему-то осталось.

– Эй, Мышь, ты что? Всё в порядке с тобой? Алё?

В порядке? Как бы не так.

Что я делаю дальше? Этот парень, кажется, любит представления показывать? Ну что ж...

Я просто закатываю глаза и сползаю по стене вниз...

Можно было еще слюну изо рта пустить, но я решила, что это перебор. А ему, кажется, моё представление зашло.

– Эй, Мышка, ты чего? Чёрт... как там тебя, Лера? Ау?

Что? Лера? То есть все это время этот придурок знал моё имя? Получается, знал, и кто я?

Пария из одиннадцатого «Е», новенькая, его одноклассница. Просто капец!

Получается, его дружочки, братья, сообщили ему о том, что в классе новенькая? Может, даже и фото тайком сделали и показали? Не удивлюсь. И он, столкнувшись со мной, решил надо мной постебаться?

Ладно, Тор, бог грома и молний. Никакой ты не бог! Тор должен защищать людей от монстров, великанов и чудовищ, а ты по ходу сам... чудовище...

Хотя нет, до чудовища все-таки не дотягивает, так, на троечку.

Видно, настоящих чудовищ и монстров в жизни не встречал.

А я вот встречала, увы... и кто бы знал, какие они, реальные чудовища.

Глава 10.2

Лежу, стараясь не подавать признаков жизни. Расчет на то, что этот Тор просто струсит и свалит.

Но он, оказывается, тоже не так прост.

Сначала трясет меня, легонько, потом чуть сильнее, ругается тихо, но как-то... беззлобно, что ли...

Хоть бы только не додумался водой полить, тут же раковины!

– Мышь, чёрт... Лера! Очнись, эй? Блин... вотаф...

Надеюсь, что он все-таки слиняет, но, увы! Вместо того, чтобы по-тихому свалить, этот герой поднимает меня на руки.

Просто кринж! Попадос...

И что делать? Прийти в себя где-нибудь посреди рекреации мне вообще не улыбается, я просто не знаю, как продолжать игру.

Он несет меня по коридору, и я уже решаюсь было сделать вид, что пришла в себя, когда слышу:

– Рома! Что случилось? Что с Лерочкой?

Ох, спасительный знакомый голос. Наша «классуха»! Пожалуй, единственное приличное светлое пятно в мрачной цветовой гамме этого отстойного заведения.

– Ольга Александровна, я не знаю, мы с ней просто разговаривали, и...

Я резво открываю глаза, ага, разбежался, разговаривали! Дергаюсь, резко отталкивая грудь парня руками, так, что Тор от неожиданности меня опускает на ноги. Встаю, отряхиваюсь, словно пытаюсь сбросить следы его рук.

– Ольга Александровна, он меня в туалет затащил.

– Что? – бедная училка опешила, а этот гад ухмыляется!
Ему хоть бы хны!

– Да. Я бежала за журналом, он меня обманом затащил в мужской туалет.

– Зачем?

– Да, интересно, зачем же это я тебя в туалет затащил?
Учитывая, что я вообще не в курсе, кто ты такая!

– Ты в курсе. Ты называл меня по имени. А зачем затащил – это у тебя надо спрашивать, а не у меня.

– Лера, Рома, давайте оставим выяснения на потом, хорошо? Идёт урок, и... – понятно, что она растеряна, и понятно, что не сообразит, как поступить. Но меня не очень радует перспектива выяснять что-то потом. И ясно, что потом все тупо спустят на тормозах. И это бесит!

Я не готова позволять и дальше себя унижать!

Одно дело быть невидимкой, которую все игнорируют. Другое – стать мишенью для глума позорных мажоров.

Чёрт. Есть ведь в районе обычная школа? Да, далеко, да, там не самые лучшие показатели, но всё-таки! Попросить маму перевести меня? Ага! А эти будут праздновать победу, считая, что «сделали» меня? Ну уж, хренушки вам!

– Можно и на потом. Если вы считаете нормальным, что парень тащит девочку в туалет и пытается поцеловать.

– Пытался? У тебя бурная фантазия, Мышь. Если бы я пытался, я бы поцеловал.

Мы с Тором стоим друг напротив друга, прожигаем взглядами.

– О господи, мне только этого не хватало, – голос Ольги Александровны дрожит. Она что, этого Тора боится? – Торопов, марш на биологию, двадцать минут урок идет, ты и так две недели гулял. Лера, пойдём со мной, выдам тебе журнал.

Вот так? И всё?

Понятно. Никакой защиты от учителей мне ждать не приходится. Рейтинг классной дамы тоже падает.

А может, оно и к лучшему? Если этим всё можно, значит, и я могу давать адекватный отпор?

– Ольга Александровна, – кажется, Тора так просто не пошлешь, – можно я с вами? Вдруг ей опять по дороге плохо станет?

– Нет, Рома, нет. Я её сама обратно провожу, не беспокойся.

– Как же не беспокоиться, я так не могу. Если она снова в обморок грохнется, вы же её не поднимете?

– Не грохнусь, не имею такой привычки.

– Я тебя услышал.

Мерзкий таракан. Видимо, на моём лице очень ярко сейчас написано моё к нему отношение, потому что Тор доволь-

но ухмыляется.

– Ольга Александровна, мне все равно нужно в ваш кабинет. Я же не все пособия получил, и...

– Получишь, Рома! Потом. Иди, ради бога, на биологию, а? Очень прошу!

– Ну хорошо. Лера, очень приятно было познакомиться!

Этот гад прижимает палец к губам с явным намеком. Да там и поцелуя-то не было, кретин! Прижаться ртом ко рту – это нифига не поцелуй!

Даже отвечать ничего не буду. Пусть идет в пешее...

Он издает какой-то сдавленный смешок, поворачивается и медленно идет по коридору. Позёр!

– Пойдем, Щепкина, – классная смотрит Тору вслед и качает головой, – ох уж эти мне... детки в клетке...

Это точно.

Честно, я вообще не поняла, что это было сейчас. Зачем этот Торопов ко мне прицепился?

Но в груди как-то тяжело затянуло. Словно осознала, тот бойкот, который мне объявили с первого сентября – это просто цветочки, а вот сейчас начнутся ягодки.

Я не ошиблась.

Глава 11

Стоит мне только войти в кабинет биологии с журналом, как с последних рядов, которые испокон века именуют «Камчаткой», раздаётся стройное гудение.

Тор и его команда? Именно. Блин. Я держусь спокойно. Мне всё равно.

Погудят и стухнут.

Ольга Александровна заходит за мной, объясняет биологичке Наталье Санне, что я задержалась из-за неё. Фигасе! Это она так Тора прикрывает? Он что, внебрачный сын президента?

– Щепкина, садись. Так, что там за вой на болотах? Торопов, вам сразу вклеить неуд или все-таки к доске пройдёте? Кончаем нудеть. Тор, к доске, я кому сказала!

Это нормально, что учитель называет ученика вот так? Видимо, нормально. В принципе, биологичка мне нравится. Она строгая, но по делу. Справедливая. Не миндальничает, ни перед кем не заискивает, как, например, молоденькая англичанка.

Та просто капец как бесит! Такое ощущение, что она готова с учениками... Фу, противно. Тупо зашквар.

– Наталь Санна, Тор же на сборах был, он только приехал.

– Стапэ, Коршун, я сам разберусь. Наталья Александровна, я весь ваш!

Проходит мимо меня и как бы случайно задевает пенал, который я только что выложила! Вот же...

Наклоняюсь, чтобы поднять, а он уже протягивает мне его и... подмигивает!

Придурок.

Чувствую, что бледнею. А он сразу прищуривается, словно считывая то, что со мной происходит.

– Наталья Александровна, я готов. Кстати, хотел у вас спросить, а как называется особенность человеческой кожи, когда она не краснеет, а бледнеет?

– Спазм сосудов это называется, а не особенность. Давай, раз ты так интересуешься кожей, расскажи нам, что такое кожа человека, из чего состоит.

– А мы это изучали?

– А как же, Ромашка? Конечно, изучали, куда же мы без кожи...

– Ноу проблем, раз изучали, значит...

Позёр. Выделяется, при этом смотрит на меня. И я уже чувствую той самой бледнеющей из-за спазмов сосудов кожи, как в меня летят лучики добра от некоторых, с позволения сказать, одноклассниц.

– Кожа человека... бывает нежной, как лепесток чайной розы, бархатной, приятной на ощупь...

– Торопов, ты охренел? – да-да, не удивляйтесь, это говорит Наталья Санна, учитель биологии! Она и похлеще может!

Глава 11.1

Первые дни у меня был шок. Я не представляла, что учитель может вот так разговаривать.

Но... в принципе, её работе с учениками это, скорее, помогало.

И вообще, биологичка, по-моему, всю школу держала в ежовых рукавицах. Даже директриса перед ней на цырлах бегала.

Думаю об этом, глядя на учительницу, потом перевожу взгляд на Тора. Он всё так же на меня палит. Ладно, поиграем в гляделки, бог молний?

Он начинает рассказывать о коже, причем говорит довольно бойко, ощущение, что прямо по учебнику, слово в слово. Не мог же заранее вы зубрить? Ему подсказывают?

Непроизвольно поворачиваюсь в сторону «Камчатки» – нет, его друзья заняты созерцанием какого-то журнала. Надеюсь, пристойного. Натыкаюсь на полный ненависти взгляд Мироновой, она морщит нос и отворачивается. Овца.

Возвращаюсь к Тору. Ухмыляется, довольный, как будто понял, почему я отвернулась.

Он получает заслуженную пятерку и остаток урока мы все слушаем рассказ биологички о теории Дарвина. Класс ведет себя смиренно. Наталью реально не просто боятся, но и уважают. Даже такие, как Миронова и Дуня.

Звенит звонок – никто не бросается с места и не начинает орать. Все спокойно собираются. И за это я тоже люблю биологию.

Складываю вещи в рюкзак и чувствую огонь рядом. Буквально. Как порыв горячего ветра где-нибудь на пляже.

Торопов стоит у моей парты.

– Спазм сосудов – это не шутки. К врачу бы тебе сходить, Лера Щепкина.

– Спасибо за заботу, обойдусь.

Я собираюсь встать, но он не дает, потому что загораживает мне выход, присаживаясь на корточки.

– А ты забавная, новенькая.

Неужели?

– Можно мне пройти? – он смотрит на меня, прямо в глаза, спокойно, просто, но не отрываясь. А я чувствую, что за моей спиной уже маячат девицы из мироновской банды.

– Торопов, ты что, решил на спор новенькую нагнуть?

Это сама Мирон, узнаю её голосок.

На спор – этим идиотам заняться нечем? Хотя, видимо, реально нечем. Гимназия считается элитной и успешной, но я успела оценить ум и интеллект своих одноклассников. Я бы сказала, ниже среднего. Есть пара-тройка реально одаренных, остальные не стесняясь заявляют, что у них уже все куплено: и результаты ЕГЭ, и поступление в универ. Короли жизни, блин... Детки в золотой клетке.

– Марин, я спорами не занимаюсь давно, ты же в курсе.

Мне просто девочка понравилась, знаешь, бывает.

– Тебя что, на сборах чем-то нехорошим заразили? Или просто вкус поганый?

– Можно я пойду на урок, а вы продолжите без меня? – встаю, подаваясь вперед, надеясь, что этот придурок отступит. Но он, как назло, тоже встает и мы опять оказываемся очень близко.

– Так, что происходит? Торопов, женихаться будешь в коридоре, давайте на выход в темпе вальса.

Ехидная ухмылка, и Тор делает шаг назад. Я хватаю рюкзак, быстро иду к двери, ее передо мной распахивает Коршун, я спешу, ничего не замечая, не вижу, как кто-то выставляет ногу. Подножка, и я лечу в коридор, падаю на пол, больно стукаясь коленками, а самое паскудное, что плиссированная юбка при этом задирается, обнажая пятую точку.

– А у новенькой на трусиках котята.

– Непорядок, она же мышка, значит, там должны быть мышки...

Они ржут как кони. И Тор с приятелями, и девицы. Какая гнусность, неужели нет никакой девичьей солидарности?

Встаю, оправляя подол. Понимаю, что мне лучше ничего не говорить. Но не могу сдержаться.

– У вас мозга только на это хватает, имбецилы? На чужие трусы смотреть? Нравятся? Могу подарить.

Ухожу, слыша вслед вопли Да Винчи и Коршуна, что-то типа – «ты кого имбецилом назвала, овца». Не реагирую. И

так слишком много эмоций на них потратила.

Пока даже не представляю, что они могут пойти на гораздо более мерзкие вещи.

– Ау, Лерка? Все в порядке? – голос Анфисы заставляет вынырнуть из воспоминаний.

– Да, простите. Продолжим?

Мы занимаемся больше положенного часа, так всегда. Я очень надеюсь, что мне удастся выйти и не встретиться с Гороповым, но, конечно, все происходит с точностью до наоборот.

– Анфис, я провожу Леру, уже темнеет.

– Не стоит, – буквально выбегаю из дома, очень рассчитывая, что он передумает. И чего привязался?

– Мышь, подожди.

Мне не хочется, очень не хочется ничего ему говорить, но я понимаю, что, может быть, это единственная возможность отвязаться от него раз и навсегда?

– Что тебе от меня надо?

– Ты. Мне нужна ты.

Глава 12

Смелое заявление, да? Но я вообще смелый парень.

Сканирую её почти прозрачные голубые глаза.

Внутри тремор, разряд проходит не кислый. Стараюсь сохранять спокойствие. Анриал.

В метре от Мышки это ни хрена не просто. Особенно после мега-шоу, которое она устроила на физре.

Нет, я уже в курсе, что она безбашенная, но чтобы вот так...

Капец... я вообще не понимаю, как сдержался, как не сорвался. У меня, конечно, выдержка. Я умею сдерживать эмоции. Но... сагрился жёстко.

Хотелось в охапку Мышь – и свалить к хренам.

А этих придурков, которые пялились и глумились над ней, рили размазать. По хрену, что двое из массы – мои самые близкие люди, друзья, братья.

Что же ты делаешь, девочка со странным именем Калерия? И что же делать с тобой мне? И со всем этим?

Я для неё сейчас чёртов триггер. И прекрасно понимаю, почему.

Если бы я не затупил тогда...

На сборах день за днем прокручивал в голове всё, что произошло. С самой нашей первой встречи в коридоре.

Я еще до первого сентября знал, что у нас новенькая – «классуха» спалилась.

Потом парни скинули пару фото.

Они глумились над мышкой. Стартанула, Мирон, ну, это и понятно.

Новый «днокл» – красивая девочка, ай-яй-яй, не дай бог френды начнут с ней заигрывать, надо её сразу «опустить». Моей-то банде пофигу, ну они особенно не цепляли – я попросил. Потому что...

Потому что не выкупаю, что случилось. Увидел её фотку в нашем братском чатике и залип. Мне захотелось, чтобы она стала только моей жертвой, и всё.

Да Винчи умеет в портрет. Ну, он поэтому и Да Винчи. Видит он, что ли, как-то по-другому...

Девчонка стояла и просто задумчиво смотрела в окно. Просто пять баллов.

Мадонна, твою тригонометрию... Ботичелли.

Коршун писал, что она – амёба, в том смысле, что ледяная насквозь, и её ничего не берет.

С ней никто не общается – ей просто по Фаренгейту. Троллить пытались пару раз – полный игнор.

Я попросил сбавить обороты, сделать так, чтобы девочку не трогали.

Решил, что я сам её трону. И тронул.

Я ведь просто рили хотел её на эмоции вывести.

Ждал этих эмоций. Чтобы сагрилась, начала реветь, орать,

возмущаться, истерить. Мне очень хотелось именно этого. Понимаю, что это зашквар, но...

Вот такой я придурок, да. Не спорю. Избалованный мажор.

Мне просто было по приколу сорвать с неё эту ледяную маску.

Хрен я угадал.

Её глаза, когда она смотрела на меня после того, что устроил я и мои товарищи.

Моё представление, когда я её в туалет затащил, и потом, в первый день, было цветочками по сравнению с этим.

Заставить её встать на колени, просить прощения, унижать.

Чёрт...

А она смотрела на пустое место. И этим пустым местом был я.

Она и теперь смотрит так же.

– Что тебе нужно от меня?

– Мне нужна ты.

Пауза. Мышка опять прожигает меня ледяным взглядом.

Или правильно сказать – замораживает.

– Просто оставь меня в покое. Понял?

– А если нет?

– Убейся об стену.

Ненависть. Рили. Ну хоть что-то, да?

Кишки выворачивает, потому что хочется совсем другого.

Она уходит. Я догоняю.

– Подожди, Мышь.

Молчит. Топаёт вперед, но я вижу, что её лицо снова белое как мел.

Значит, всё-таки что-то чувствует?

– Лера? – пытаюсь взять её за руку, она резко вырывается, бежит и неожиданно вылетает прямо на дорогу. А я вижу несущуюся по ней черную «бэху».

Твою ж...

Глава 12.2

– Дядя Дима, вы только не рассказывайте никому, ладно?

– Ты, Роман Игоревич, за кого меня держишь? – отец моего лучшего друга ухмыляется. – Не ожидал...

– Извините... я просто...

– Испугался? Девчонку точно не надо к доктору?

– Я сам. Не волнуйтесь. Всё сделаю.

– Лады. И вы это... детки... на проезжей части больше не играйте. А то... привыкли, что в ваших игрушках у вас девять жизней. А она одна... Одна, родимая.

– Я знаю, дядь Дим... – голос сразу хрипит, потому что реально знаю.

– Я знаю, что ты знаешь. Мать как?

– Нормально.

– Ну, хорошо. Отцу передай, насчёт рыбалки договаривались, в Астрахань, я наберу, всё в силе.

– Передам.

Разговариваю спокойно, даже улыбаюсь, а сердце колотится так, словно я десять чашек эспрессо залпом, или бегом на скорости на гору, или стометровку... В общем, к моторчику «усилок» подключили, и фигачит, как драм-машина...

Еще потому, что ко мне прижато очень хрупкое тело. Которое тоже колотит крупная дрожь. Колбасит не по-детски.

Дмитрий Юрьевич уезжает. А мы всё стоим. Минуту, две,

пять... не знаю.

Понемногу справляюсь с адской тахикардией, или как там это называется.

И она тоже вроде бы...

Я раньше думал, что так только в кино... так показывают. Какой-то важный момент в рапиде – или слоу-мо – замедленная съемка. В реале так не бывает.

Да уж...

Я увидел мчащийся черный седан, тоненькую фигурку, делающую шаг на асфальт, потом второй шаг. Вот она медленно-медленно поворачивает голову, а потом кто-то тянет её за руку, буквально вытаскивая из-под машины, под аккомпанемент визжащих тормозов. Кто-то – это я. Моя рука.

Только я не помню, как оказался там. Это ведь все уложилось в какие-то секунды. Раз, два, три...

Раз, два, три – и её бы не было. Этой отмороженной девочки Калерии.

Но я успел. Да и дядя Дима по сути тоже успел, отвернул в сторону. Может, её задело бы по касательной, и травмы были бы несерьезные. По факту сейчас – только испуг, я думаю. И тачка, к счастью, не пострадала.

Ну, «бэха»! «Бэха» – это «бэха».

Я успел. Выдернул, падая на асфальт закрыл, на себя её уложил, стараясь, чтобы не стесала руки и ноги о жесткое покрытие.

– Ты как, цела?

Молчит. Как всегда. Только подбородок ходуном и слезы градом. Неужели? Щепка умеет плакать?

– Мама...

– Тихо, всё хорошо. Живы. Здоровы... Сейчас только воплей будет...

Да, дядя Дима поорал хорошо. Такого шестнадцатиэтажного заложил! Уши в трубочку. Но я попросил все-таки при даме не выражаться.

Пообщались. Я получил положенных трандюлей, и он умчал в закат.

А мы так и стоим.

Обнявшись.

– Мышь... ты как?

Судорожно вздыхает, стараясь, видимо, так же выровнять сердечный ритм.

– Давай, может, в медцентр? Тут рядом. У меня там знакомая доктор. Даст тебе что-то...

– Не... надо... – еле шепчет губами.

– Испугалась сильно, да?

– Не знаю. Устала просто. Домой хочу.

– Поехали. Отвезу.

– Не надо, я... я сама.

– Лер, послушай, посмотри на меня.

Она поднимает глаза, а у меня дикий шум в ушах от её взгляда. Просто от взгляда. А потом она говорит.

– Спасибо тебе.

Вот так. Просто спасибо.

А у меня снова словно к мотору усилитель мощности, и врубает на полную, и хреначит плюс стоицот оборотов в минуту. И я не выкупаю, что мне делать. Только тоненькая белая прядь волос, прилипшая к её губе, заставляет сфокусироваться. Аккуратно большим пальцем отодвигаю. За ухо заправляю.

Я не буду её целовать. Не имею права. Не буду. Но, чёрт, как же хочется... Сглатываю, чуть наклоняюсь вперед. К ней.

И тут же хрупкие ладошки на моей груди напрягаются. В глазах страх.

– Не надо.

– Извини. Пойдем в машину.

Действительно, стоим тут... у всех на виду. На улице вроде бы и нет никого, но мало ли, камеры висят, и вообще...

Мне не нравятся поцелуи напоказ. И вообще проявления таких чувств.

Чувств? Это что, значит, у меня к Мышке чувства?

Я подталкиваю её чуть вперед, показывая направление движения, но руку с её спины не убираю.

Драм-машина работает. Ритм сумасшедший. Пытаюсь угадать, какой подходит. Сразу на ум приходит Muse «Resistance». Усмехаюсь...

Что, Тор, попандос, да?

Скрутило? Или еще поборемся?

Открываю дверь. Она садится, не глядя на меня. Ну, хоть

не спорит.

Занимаю водительское. Завожу. Но стартовать не спешу. Рука на рычаге, двигаю её чуть дальше. Туда, где на черном кожаном сиденье белая и холодная как снег ладошка. Накрываю, переплетая пальцы.

– Ты... сказал, что тебе нужна я. Зачем?

Хороший вопрос.

Глава 13

– Я вообще-то хотел извиниться.

– За что?

– За всё.

В горле – пустыня Руб-эль-Хали. Достаю из кармана на двери бутылку минералки, открываю.

– Пить хочешь?

– Нет.

– Возьми, хочешь же. Не отравлено.

– Надеюсь, – вижу движение уголка губ, попытка в улыбку? Рили?

Протягиваю бутылку.

– А ты?

– Оставишь глоток?

Кивает, взгляд отводит и тушуетса почему-то. А я замечаю грязь на руках: на своих, на её. Да чёрт, и на брюках тоже, а у неё на колготках дыра – всё-таки асфальт зацепила.

– Прости, дай я... – тянусь к бардачку, выуживаю пачку влажных салфеток. Спасибо бате, приучил иметь в машине необходимый набор.

Твою ж... из бардачка выпадает блестящая пачка.

Чувствую, как сбивается дыхание Мышки. Запихиваю обратно хренову фольгу. Главное, если бы еще пользовался! Ну, в смысле...

– Салфетки, руки протри. И... коленку. Ссадины нет?

– Нет. Нормально. Спасибо. На, – протягивает бутылку.

– Слушай, это не мои вообще-то.

– Кто?

– Ну... – чёрт, я покраснел...

Покраснел? Покраснел... Охренеть...

– Мне всё равно.

– Неужели? А есть что-то, что тебе не всё равно? – неожиданно почти рычу на неё. Потому что вспоминаю...

Тот злополучный день вспоминаю. Её, стоящую на коленях. Смех парней, девиц... Чёрт...

– Прости...

– Есть. Но я не хочу об этом говорить, – вижу, как становится жестким подбородок, зубы сжимает.

Ну естественно, а чего ты ждал Тор? Что она вот так вот сразу и растает? Почему? Потому что ты её из-под тачки вытащил? Да если бы не ты, она бы туда и не попала! Вот же...

– Мы так и будем сидеть?

– Можем лечь. – А-а-а, да что за хрень? Кто меня за язык тянет? Вот куда я лезу? Кретин...

– Тогда я лучше пойду. Пока.

Она поворачивается к двери, а я резко подаюсь вбок, стараясь удержать, и прижимаю её телом.

– Пусти.

И снова драм-машина, и дыхание на пределе, и в груди давит.

И глаза её совсем близко.

И я просто смотрю. Тону. Не выгребая. Иду ко дну. Вязко. Резко. Витиевато. Сочиняя рэп на ходу. Смотрю в глаза и понять не могу, чем зацепила меня, чем поймала в капкан моё сердце...

– Ты что, поёшь?

– Рэп читаю, только что придумал. Хочешь?

– Рэп? Ты?

– Прикинь? Есть такой грех...

– Ну жги, – и улыбается. Улыбается!

А я... жгу...

– Твоя улыбка как солнце, и смех, и слёзы для меня весь мир. Это серьёзно. Я просто смотрю, тону, улетаю, не выгребая, иду ко дну. Вязко. Резко. Витиевато... сочиняя на ходу фразы без мата. Смотрю в глаза и понять не могу, чем зацепила меня и поймала в капкан, и сердце как драм-машина... А ты твердишь постоянно – мне всё равно, от этих слов я иду на дно.

Всё. Остановилось сердце. Жду вердикт. Не дышу, кажется.

А она... бледнеет.

– Круто. – Я чувствую её. Всю. До кончиков пальцев чувствую. И её сердце с моим в унисон, и всё как сон... Так, стоп, хватит, хватит... не могу. Проваливаюсь в её глаза как в нору за белым кроликом...

– Поцелуй меня, Мышь?

Глава 13.1

Я не знаю, что со мной. Не знаю. Не знаю... Хочу этого и не хочу. Боюсь. Очень боюсь. Потому что никогда такого не было. Никогда. Даже близко.

Сердце превращается в совершенно автономную единицу, живёт своей жизнью. Не хочет слушать уговоры сознания. Ему хочется вырваться из клетки и бежать, бежать...

Дышу. Стараюсь дышать. В голове бит, стучит. Я, похоже, тоже рэп сочиняю, что со мной – я не осознаю и не соображаю.

Ох... Стоп, Лера, остановись. Выдохни. Дыши.

Он так близко... И мне очень жарко. И шумит в ушах.

И я не хочу анализировать то, что происходит. Весь сегодняшний день – это словно день, прожитый на другой планете. И мне страшно – вдруг я завтра проснусь, а его не было?

Этого дня. Даже того момента, когда я в одних трусах стояла на всеобщем обозрении в спортивном зале. Потому что именно тогда он сорвал с себя футболку, чтобы закрыть меня, защитить.

Тор...

Который только что попросил меня его поцеловать.

И я очень хочу это сделать. Несмотря на то, что он сделал. Несмотря ни на что.

Просто... именно сейчас я не могу затормозить. Не мо-

гу...

Закрываю глаза, поднимаю голову, вытягивая губы. Наверное, я очень смешная. Миллиметр, еще миллиметр, еще... Мне кажется, я уже чувствую мягкость его кожи. И жар...

Резкий стук в окно автомобиля, и я вжимаюсь в сиденье, а сердце бьется как испуганный воробей, залетевший сдуру в печную трубу.

Тор шипит, тихо выплевывая английское ругательство. Смешной.

Поворачивается, чтобы опустить стекло.

– Торыч, брат, ты что тут... О-о-о... какие люди.

Нет, только не это. Всё-таки я везунчик – в больших и жирных кавычках.

Да Винчи и Коршун, кто же еще? Хорошо, что не в компании с Мироновой. Она в последнее время постоянно с ними трется.

– Так, стопэ, отвалили оба, смотреть нельзя, – Тор говорит беззлобно, но уверено. Безапелляционно.

– Рома-ан? – Да Винчи специально тянет и бровь выгибает, словно не друга по имени зовет, а... намекает на что-то.

Роман – это ведь не просто имя Рома, это как Люба – Любобовь?

– Дань, отвянь.

– Ну, оке, вечер в силе?

– Забились. У меня.

– Ну, ариведерчи. Привет Мышке.

– Мышке-малышке пламенный! – Они ржут, поднимаясь,

Коршун посылает мне воздушный поцелуй, дурачась.

А я опять не в своей тарелке.

Что вообще я делаю в этой машине? С этим парнем? Мне домой пора. Мама вот-вот придёт со смены.

Она словно чувствует, что я думаю о ней. Телефон дрожит в кармане.

– Алло? Да, мам. Да, всё хорошо, – если не брать во внимание, что я чуть не попала под машину и чуть не поцеловала плохого парня. – Занималась, всё гуд. Нет, не дома. Встретила одноклассников. Кто? Не важно мам. Никто.

Никто резко жмёт на педаль и мотор ревёт...

Глава 13.3

Мотор ревёт, а машина стоит на месте. Я испуганно поворачиваюсь к Тору, он не смотрит на меня, смотрит вперед, на дорогу, ухмыляется, потом головой качает, хмыкает и стреляет все-таки взглядом.

Быстро, резко, тут же отворачиваясь, кажется, опять читает рэп про себя, но я замечаю что-то в его глазах.

Обиду? Нет. Или да? Не знаю, но мне почему-то сразу становится стыдно. Он не никто. Он...

Я не знаю, кто он сейчас мне. Сложно разобраться. И я боюсь разобраться. Боюсь оказаться под завалами собственных чувств.

Мама что-то выговаривает в трубку, с трудом соображаю, что. Кажется, спрашивает, где я, что за звуки. Переживает. Она всё время за меня переживает.

– Что, мам? Повтори? Звук? Я не знаю, просто... ну какая-то тачка рядом газанула, да, какой-то придурок. Я уже иду домой, скоро буду. Мам, да всё со мной хорошо, правда. И я тебя. Целую.

Опускаю телефон в карман, стараясь скрыть, что ладошка дрожит.

– Так никто или придурок? – опять ухмыляется!

А меня бомбит!

– А ты никогда не говорил с предками вот так?

– Как? – смотрит еще... снисходительно.

– Мне надо было правду сказать?

– А почему нет? – он тоже умеет играть бровью. И ноздри раздувать. Злится.

А правда, почему нет? Может, потому, что мама знает о той истории?

– Ты хочешь, чтобы моя мама вызвала полицию?

Тор изумленно смотрит, хочет что-то спросить, потом догоняет. Чертыхается про себя, поворачивается, сдвигаясь ближе.

– Прости, я не подумал.

Я не жаловалась маме, нет. Я бы не рассказала сама. Не потому, что мне стыдно. Мне пофиг. Всё равно. Просто я не хотела маму волновать. Есть вещи, которые родителям знать необязательно. Например, то, как их дочь ставят на колени перед бандой мажориков...

Многие скажут, что это зашквар. Что так опустить – реально треш. После такого бы многие просто сбежали бы, никогда больше не появились в этой школе.

Многие, но не я.

Унизить и опустить можно только того, кто унижается и опускается.

Моя мама не узнала бы, если бы не мать Варьки Семиной – она в родительском комитете. Зачем-то влезла не в своё дело.

Взрослые всегда любят лезть не в своё дело.

Мама в школу не пошла, она просто позвонила директору. И не только ей. Популярно объяснила, что будет, если посядут хоть пальцем тронуть еще раз её ребенка.

Моя мама, милая, тихая, очень спокойная и выдержанная женщина. Которая превратится в тигрицу, если нужно защищать своих детей... своего ребенка.

– Мы поедим? Мама скоро придет домой, мне надо успеть...

Тор включает фары и поворотник, жмёт на педаль, мягко стартует.

– Я живу на...

– Я знаю.

Хм, интересно.

– Сталкеришь?

– Есть такое дело, – он не улыбается.

– Зачем? – сердце никак не вернет привычный ритм.

– А сама как думаешь? – снова серьёзно.

– Я... – я никак не думаю, правда, вообще, тушуюсь от чего-то... – Я не знаю.

– Глупая Мышка, – а вот теперь он улыбается и бросает на меня быстрый взгляд.

Да, он прав, я глупая. Потому что чувствую расцветающий внутри цветок с золотыми лепестками, который согревает.

– Я не мышка...

Глава 14

Не мышка она! Еще какая мышка...

Глупый маленький мышонок...

Помню, как Анфиса мне в детстве читала это стихотворение перед сном. Мне было года четыре, а ей тринадцать-четырнадцать.

«Глупый маленький мышонок отвечает ей спросонок...»

Мне нравилось, как она читает по ролям за всех мам, и за грубую хрюшку, и за страшную лошадку, и за скучную жабу. Я хохотал, хотя на самом деле мне было жутко. Жутко страшно, когда Фис читала за милую кошечку. Я же знал, что кошка сожрёт мышонка...

Тогда уже думал, что надо быть сильным и умным, чтобы тебя не сожрали. Самому становиться тем, кто всех жрёт.

Ну и стал.

Сразу обозначил свое место под солнцем. Я лидер. Я решаю.

Хотя когда сдружились мы с Коршуном и Данькой – Да Винчи он стал чуть позже, – мы поняли, что не будем выяснять, кто главнее. Мы все трое лидеры. Каждый в чем-то сильнее. Стараемся прислушиваться к мнению друг друга.

Именно поэтому, когда я попросил их не особо трогать новенькую, а лучше сделать так, чтобы её никто не трогал –

они послушали и сделали всё как я просил.

Подъезжаем к её дому, торможу у подъезда.

– Или дальше проехать, чтобы мама не запалила?

– Спасибо, тут нормально, – молчит, глядя в сторону, потом поворачивается, – я пойду? Спасибо, что подвез.

– Лера... – внезапно понимаю, насколько я дико не хочу, чтобы она уходила вот так. – Подожди...

Резко выжимаю педаль, проезжая вперед и паркуясь в темном тупике. Мышка не успевает среагировать, только ойкает, вжимаясь в сидение.

Глушу двигатель, вырубая свет, поворачиваюсь к ней.

– Что ты делаешь?

– Дай мне минуту просто, а? – не говорю, почти хриплю, умоляя.

Вообще не вдупляю, что со мной. Хотя... да пофиг. Понимаю. Меня просто клинит на этой девчонке.

Да. Вот так.

С первого взгляда на то фото. Клинит. Скребет внутри всё просто от желания быть рядом и понять – почему она такая не такая?

Она ведь реал не такая. Особенная.

Мышка.

Молчит, не смотрит на меня. Взгляд вперед, в пустоту и темноту.

А у меня сердце по тормозам.

– Лер...

– Зачем ты это делаешь?

– Что? – внезапно не понимаю, о чём она, что я делаю?

– Вот это всё. Сегодня.

– Ты же уже поняла...

И снова пауза. И мысли на скорости принятия решений.

И опять тянусь к её ладони.

Как же хорошо. Вот так просто. Пальцы переплетая...

Пальцы переплетая, секунды запоминая, дышать – не дышать, слышать – не слышать, мечтать – не мечтать, выше и выше...

– Ты снова поешь?

– Я по ходу сегодня на целый альбом насочиняю.

– Почему?

– Вдохновляешь... – отбойный молоток в груди. Решайся,

Ромео, или кто-то решит за тебя... – Лера...

Поворачиваюсь, наклоняясь, тону в её глазах.

– Не надо...

– Почему?

– Потому... – на выходе тихо, хрупко так, ломко звучит.

Потому что хотел сломать, а она не сломалась.

Голову опускаю, все-таки делаю движение, прижимаясь к макушке лицом, аромат вдыхая.

Какое же я дно...

Глава 14.1

Дно, Торыч, дно...

Не понравилось, что девочка не купилась на тебя сразу? Там, в коридоре, потом в мужском сортире? Перед училкой еще опустила? Потом в классе игнорила?

А после прилёта – «имбецил» – вообще закипело всё...

– Имбецилы, говоришь? Посмотрим, кто из нас имбецил.

Прощения просить будешь, Мышь, на колени поставлю.

Что за бес в меня вселился?

Точно идиотизмом вакцинировали.

И надо же было мне это сказать при братьях, при девицах.

– Ставлю пятачку – не поставишь, – это Коршун раззадоривает.

– А я червонец на то, что поставит, это же Тор! – Мирон влезла.

– Зашквар... Спор на то, чтобы девицу на колени ставить?

Я – пас. И вам не советую. – Да Винчи всегда был из нас самым разумным. – Ром, погнали к тебе, вечером? Есть дело.

– погоди ты со своим делом, – снова лезет Маринка, облизывая ярко накрашенные пухлые губы, – так что, Тор, «мажем»?

Протягивает руку с хищным алым маникюром.

Имбецил, да? Ну ок, новенькая, значит, будем по-плохому...

– «Мажем»... Коршун, разбей.

– А я что? Я тоже в доле. Пусть Да Винчи разобьет.

Данька поднимает руки.

– Сказал, я – пас! Вон, Дуня пусть разобьет, но я предупредал!

Миронова хватает мою ладонь, Дунина разбивает.

Я вообще любитель поспорить. Но еще ни разу объектом спора не был человек. Девчонка.

Девчонка, которая мне дико понравилась.

Уже не только по фото. Когда мы столкнулись в коридоре, я же целенаправленно шел на неё, чтобы спровоцировать. И она влетела.

Тут же пробравшись внутрь меня, аромат её чувствовал. Не вытравить.

– Рома, мне правда надо домой...

С трудом выползаю из омута памяти. Забыть бы всё. Забыть.

– Лера, если я тебе напишу, ответишь?

– Не знаю.

– Почему?

– Не хочу опять стать объектом тупого спора.

– Мышь...

– Выпусти меня, если мама увидит, то...

– Лер...

– Отвечу. Пока.

Снимаю блокировку с двери.

Мне столько хочется ей сказать. Объяснить.

Прочитать ей в рифму всё то, что внутри, сумасшедшие ритмы, всё то, что в душе, что гложет и давит, бежать заставляет, к ней, от неё, от себя. Все слова пусты и неравноценны, я стою перед ней, словно на авансцене...

Чёрт.

– Рома, а ты дашь мне послушать то, что ты читаешь?

Ну... рэп? Твои песни?

– Да... – сиплю шепотом, почему так плохо оттого, что она уходит?

– До завтра.

– До завтра.

Вышла. Дверь прикрыла аккуратно. Аромат остался. Не могу понять, что в нём, цитрус? Имбирь? Цветы?

Смотрю в зеркало заднего вида и замираю. Умирая.

Лера... Мышь... бросается в объятия какого-то парня!

Всё. Аут... иду ко дну.

Глава 14.2

Люблю Маяковского.

Первый рэпер на Руси. Ну, это я, конечно, шучу... И не я так сказал, кто-то из моей рэперской тусовки так его назвал, кто-то из «олдов», первопроходцев.

Да... Сейчас, наблюдая за такой «жаркой» встречей, в голове набатом Владимир Владимирович.

Маяковский, в смысле... Он же тоже ВВ...

«...В черном небе

молний поступь,

гром

ругней

в небесной драме,

– не гроза,

а это

просто

ревность двигает горами...»

Чёрт. Ревность, ревность... ревность.

Омут. Черная дыра, затягивающая беспощадно.

Хочется рвать и метать. И я рву...

Рву мотор, газуя, лихо срываясь с места. Но проезжая рядом, притормаживаю, с прищуром оглядываю, оцениваю...

Твою ж... Он же старый! Он...

По голове словно молотом. Мышь меня не видит. На него

смотрит.

Жму на педаль, ревёт на все пятьсот лошадок, вижу, как резко поворачивается Лера. Заметила? Смотрит еще удивленно...

Ладно. Проехали.

Домой пора. Поздно уже, и жрать охота. У Фис закинулся котлетками с пюре, её помощница по хозяйству тётя Валя готовит богично.

Так, надо заскочить к себе – парням обещал, что посидим в студии. Студию мне отец в подвале забабахал отличную. Он, правда, мечтает, чтобы я все-таки больше в спорт. Да я не против. Спорт – это круто. Победа, эмоции, адреналин. Но творчество – вот это всё для меня тоже важно.

Потом сам отец знает, что спорт – это не навсегда. Век короток. Когда-то надо будет заканчивать. Не уверен, что хочу в тренерство. Вот шоу как у отца, спортивная журналистика – это уже интереснее.

Пишу Анфисе, что ночевать приеду часов в двенадцать. Она спрашивает, как Лера...

Как Лера... Наверное, круто. Бомбит меня. Мозг понимает, что вряд ли этот мужик – а там мужик, ему лет двадцать пять, точняк! – вряд ли он и она пара.

Не хочу об этом. Совсем. Она... она не может с таким. Ей... она же маленькая совсем! Ей даже восемнадцати еще нет.

Тогда почему меня так плющит?

«...В черном небе
молний поступь,
гром
ругней
в небесной драме...»

Да уж, Тор, бог грома и молний. Вот тебя и огрело по башке. Вштырило.

И громом, и молнией... И глазами как океан. И ароматом свежести, чистоты.

Чёрт. Меня клинит на девчонке! Это так смешно!

Идиот, так долго жил в святой уверенности, что это за мной всегда будет охота, это я буду выбирать, это меня будут любить...

Любить... Страшное слово. Можно пока не надо, а?

Сiju с ноутом, записываю впечатления, как в дневник.

И всё это сразу можно переводить в песню. Я её уже чувствую. На кончиках пальцев ловлю.

Это даже не рэп уже, не речитатив, это баллада.

Баллада о мышонке с железной волей.

– Торыч, ты тут?

Дверь я не закрываю, пацаны заходят. Коршун помахивает пакетом с чипсами и минералкой. Почти ЗОЖ.

Лыбятся оба. Сияют просто. Так и хочется каждому втащить. Ну так, по-братски! Посмотрел бы я на них, когда бы они...

Хотя... Коршун тоже что-то темнит с этой своей блонди-

ночкой из «А» класса. Ненависть у него. Ненависть такая ненависть... Очень быстро превращается в нечто противоположное.

Один Да Винчи у нас пока себя не проявил. Или я не в курсе?

– Скулы не сводит?

– А что?

– Лыбу давить харэ.

– Тор, мы чего-то не знаем?

Не знают. Реально. Почти.

Просто после той истории я попросил девчонку не трогать. Попросил, потому что сам через неделю свалил на очередные сборы. Приехал вчера. В школу пришёл сегодня.

Очень вовремя.

– Вы что хотите знать?

– Ты с ней? Серьёзно? С мышью?

– Стопэ, Мышь она только для меня, ясно, для вас... Лера.

– Прямо по серьёзу, Лера?

– Коршун, не нарывайся.

– Тор, ты... чёрт, нет, скажи, что это не какой-то очередной замес?

– В смысле? – сейчас не понимаю, о чём он.

– Ты опять что-то задумал? Ты... ты хочешь повторить как тогда? На колени?

– А если да?

Глава 15.1

Успокоиться, Лера, успокоиться! Сердце не выдержит таких оборотов.

Дышать!

Как дышать, когда губы сами собой в улыбке?

Что со мной? Что? Почему? Как?

Миллиард вопросов – ответов нет, и...

– Опаздываешь, Лерыч! Где тебя носило?

– Сашка! Саш! А! – на эйфории, на адреналине бросаюсь в знакомые объятия. Прячу лицо на груди. Сашка...

Потом сразу – как он здесь? Когда? Надолго ли? Но это всё потом! Сейчас я просто дико рада, и еще... еще я использую его как щит.

Да-да, именно щит от самой себя! Моей душе нужен перерывчик. Я потом буду разбирать на атомы все, что случилось сегодня с Тором.

– Ты чего такая счастливая, Лерка?

– А? – я счастливая? Я? Нет, я не могу быть счастливой!

Вообще никак. Я...

Рёв автомобиля выгружает из транса.

Тор. Тормозит напротив, успеваю выхватить из реальности его взгляд. Станный такой. Проносится мимо.

А я взбудоражена настолько, что просто не в силах осознавать происходящее.

– Парень твой, что ли?

– Что? Нет! Ты что?

– Да ладно... Ты сидела в его машине. И он посмотрел на меня так, как будто готовит контрольный в голову.

– Если только себе. Это...

Чёрт, я вспоминаю, что Сашка ничего не знает. Рассказать?

– Это?

– Что мы стоим? – спохватываюсь вовремя. – Пойдем в дом. Мамы еще нет, наверное.

– Я ей звонил, сказала, через полчаса и что ты вот-вот будешь дома.

– Извини, я...

– Не парься, я не замёрз, тут у вас кафе рядом, сходил, взял раф.

Открываю дверь нашего таунхауса. Ну, еще не совсем нашего. Ипотека.

Собирались жить тут всей нашей большой дружной семьей. А остались только я и мама...

– Заходи, Саш, раздевайся, сейчас ужин разогрею, салат будешь?

– Давай я помогу, что надо?

– Ничего. Пока приготовлю, и мама придёт. Сейчас только переоденусь. Будь как дома.

Бегу в комнату, сразу в ванную, помыть руки, умыться. Из зеркала на меня смотрит моё прошлое я. Беззаботное и

счастливого. Неужели так мало надо? Всего лишь призрачный интерес от смазливового одноклассника?

Потом, Лерка, всё потом. Будет время перезагрузить этот день и подумать.

Натягиваю домашние леггинсы, длинную футболку. За чем я отдала Тору его «ти-шёрт»?

И почему так хочется улыбаться?

Сбегаю вниз, на кухню. Саша там, выгружает из сумки банки. О боже!

– Мама передала вам, ты знаешь маму!

– Знаю! О! «Огонек» обожаю! Ты не говорил, что приедешь. Проездом?

Достаю огурцы, помидоры, салат, бросаю в раковину.

– Как сказать. Пригасили на работу, тут, в достойную компанию. Сегодня уже было собеседование с руководством.

– Здорово, значит, тоже переедешь из Брянска?

– Тоже.

Внезапно давит в грудь. Жёстко. Опираюсь на край мойки.

– Лера, что?

Не могу ответить. Нет ответа. Просто... представила, что она там теперь совсем одна. Моя Сонька. Моя любимая старшая сестра...

– Лер...

– Мы все её оставили...

– Лер, это не так, мы не оставили, слышишь? Она... Соня

всегда с нами, всегда... я не забываю ни на день, ни на минуту. Но очень больно, понимаешь? Она мне снится и просит, чтобы я её отпустил, а я не могу. Я люблю её, Лер...

Глава 15.2

Сплю как убитый.

Что там говорят, не может человек с нечистой совестью нормально спать? Хрен с два. Еще как может.

Моя совесть нифига не чиста. Я просто...

Просто фееричный кретин. Как она тогда сказала? Имбецил? Обидно, да?

Нет. Нифига.

Обидно увидеть, как девушка, которая... в общем, от которой у тебя внутри адово пламя выжигает все дотла... как эта девушка бросается на другого.

Даже не просто обидно. Разбивает. В труху.

Из сердца кровь сочится.

А винить можешь только себя и больше никого. И вообще...

Злость разъедает. До нутра. Я же её... Я каждый день о ней! Каждый проклятый день, пока на сборах был! Я же...

Каждый спарринг представлял, что она смотрит! Не так, как тогда. Когда из-за меня на колени встала. По-другому.

Восхищенно! Я видел этот взгляд! Она так смотрела в музее на чувака, который играл Маяковского.

Нас Оленька, классуха, затащила на спектакль в музей Владимира Владимировича на Лубянке. Это было прикольно. Актеры вместе со зрителями ходили из зала в зал. Я не

очень люблю всё вот это, может, потому, что насмотрелся этих шоу изнутри, знал и звезд капризных, которые на сцене и в кино из себя невинность строят, а в реале – такие гнилые и продажные... Но тут – зацепило.

Пошёл, кстати, чтобы постебаться, думал, будет треш. Но актёры реально работали на разрыв. Особенно Сам. Маяковский. Крутой парень.

Он читал, а Мышь на него смотрела. Рот открыв. А я на неё. Пока не получил локтем в печень от Коршуна.

– Объектив зачехли, Тор, палишься.

– Отвали.

– Я серьёзно.

Олечка на нас шикнула – мешаем! И Щепка тоже посмотрела так, неодобрительно.

Ну, ясен пень, мы для неё имбецилы.

А Маяковский...

Чёрт, все ведь и вышло по итогу из-за этого спектакля. Из-за стихов. Что меня дернуло?..

Весь вечер снова перебираю в памяти всё. Он первого столкновения в коридоре до того самого дня. Потом весь сегодняшний. Начиная с момента, как увидел её худенькую голую спину в спортзале.

И офигел.

Сижу у Анфисы на кухне, пью чай с имбирём. Тётка в душу не лезет. Просит почитать ей новое.

– Для меня ты весь мир. Это серьёзно. Я просто смотрю,

тону, улетаю, не выгребая, иду ко дну. Вязко. Резко. Витиевато... сочиняя на ходу фразы без мата. Смотрю в глаза и понять не могу, чем зацепила меня и поймала в капкан, и сердце как драм-машина... А ты твердишь постоянно: «Мне всё равно», от этих слов я иду на дно.

Пауза. Я никогда не стеснялся Фис, но тут что-то... замкнуло...

– Лера красивая, она очень ранимая на самом деле, – тётушка моментально считывает эмоции. Эмпат.

– Она? Она... как эта... железная кнопка.

– Дурак ты, Ромка.

– Еще скажи, имбецил.

– Это она так тебя назвала?

Молчу. Отправляюсь спать, не готов к разговорам. Со всем.

Обещал написать ей. А нужны ли Мышке мои сообщения? Похрену... Пусть. Пусть обнимает кого хочет. Пусть общается, с кем хочет. Пусть... пусть я не достоин её высокого чества. Я...

Не хочет – не надо. Навязываться не привык. Сама еще пожалеет...

Ага, как же. Не привык навязываться!

Утром моя тачка стоит у её подъезда.

Она выходит одна. Бледная.

Вспоминаю слова биологички. Спазм сосудов. Чёрт, а если это опасно?

– Лера?

– Рома? Что ты тут делаешь?

– Ты просто Капитан Очевидность...

Чёрт. Из подъезда выходит тот самый кент, что был вчера, и с ним женщина, очень похожая на Леру. Мать?

– Лера? Что тут происходит?

Глава 16

Мама! Чувствую обжигающую волну, проходящую по телу, смотрю на Тора испуганно.

Я не хочу, чтобы мама сейчас всё испортила.

Хотя мама никогда не делала ничего такого, она всегда была лучшей, настоящей, понимающей.

Вчера, правда, отругала меня за выходку на физре. Но, наверное, она и должна была, да?

Мама вернулась как раз в тот момент, когда мы с Сашкой стояли обнявшись на кухне. Я не хотела плакать. И не хотела, чтобы он плакал.

Он же всегда старался держаться! При всех. Особенно при Соне. Мужественный, сильный, до последнего говоривший о чуде, о том, что все будет хорошо...

С диким стыдом вспоминаю одну нашу ссору. Тогда, когда сестра была еще с нами.

– Хватит! Хватит врать! Почему ты все время говоришь, что всё будет хорошо? Почему ты врешь? Ничего уже никогда не будет хорошо, понимаешь, никогда? Соня умирает!

– Замолчи! Замолчи немедленно! – никто никогда не орал на меня. Это случилось впервые. Мы стояли в парке у больницы, Сашка и я. – Замолчи, Лера! Как ты не понимаешь? Я не могу сказать, что это все, конец, понимаешь? Не могу! Не могу...

Я впервые увидела, как он плачет. Отчаянно. Навзрыд. Кричит и плачет.

– Саша... Сашенька, не надо, пожалуйста... все будет хорошо, не надо...

Сама не знаю, почему я бросилась его утешать, и в итоге мы ревели вместе. Первый раз я увидела, как плачет мужчина.

Папа тогда еще не плакал. Тоже старался держаться.

Мой папа хирург-онколог. Он был одним из самых сильных специалистов в нашем городском онкоцентре. Десятки успешных операций. Под его руководством постоянно проходили мероприятия, позволяющие выявить заболевание на ранней стадии. Он читал лекции, ездил по разным странам, сам обучался, учил других.

Он спасал почти всех. А свою старшую дочь спасти не смог.

Мы знали, что Соня умирает. Конечно, до последнего надеялись на чудо. Потому что чудеса бывают! Они есть!

Но в этот раз... нянечка, которая помогала с Соней в палате, сказала мне, чтобы я радовалась. Бог забирает лучших.

Я не могла радоваться. У Бога много детей. У меня сестра была одна. Самая близкая.

Между нами десять лет разницы, казалось бы – так много!

И маме все говорили, что мы с Соней вряд ли станем подружками. Какой бред!

Сколько я себя помню – Сонька всегда была рядом. Она

помогала мне, занималась со мной, мы вместе резались в компьютерные игры, снимали какие-то видосики, танцевали, дурачились.

Соня меня воспитывала, когда у меня начался переходный возраст, и я, по её словам, стала «душнилой». Она же рассказывала мне, как важно не поддаваться ничьему дурному влиянию. Что надо всегда слушать свое сердце.

Соня любила меня такой, какая я есть. И я любила её.

Она была самым обычным человеком, самой обычной девчонкой, потом девушкой. Но вместе с тем для меня она была героем.

Соня всегда знала, что мне сказать и как сказать. Ненавязчиво учила жизни. Учила меня быть мной.

Когда Соня умерла, мне показалось – умерла я. Часть меня ушла вместе с ней. Закрылась.

Я словно повзрослела лет на двадцать.

И мне стало всё равно.

Вернее, мне стало плевать на разные глупости. Вроде усмешек и подколок таких, как Миронова и Дунаева. Глупых выходок пацанов типа Коршуна.

Они считали, что троллят меня? Унижают тем, что сначала объявили парией?

Боже, они казались такими жалкими!

Пустыми.

Они считали, что жизнь – игра. Что можно походя обидеть, сделать больно.

Им казалось, что они так круто развлекаются за чужой счет, получают удовольствие.

Я им удовольствие не доставила. Не в этой жизни.

Да, им казалось, что они меня сломают, поставят на колени, унижат, заставят плакать, просить пощады.

Унизить можно только того, кто готов унизиться. Я помню, как Соня говорила мне эти слова.

Смотрю на Тора и не знаю, что делать. Что сделает мама?

– Доброе утро, Татьяна Николаевна. Меня Роман зовут.
Роман Торопов.

– Я в курсе. Доброе утро, Роман Торопов.

Пауза. Чувствую, как начинаю дрожать. Не от холода. Краем глаза замечаю Сашу, который разглядывает Тора и его тачку.

Да-да, тут вот так. Мальчику восемнадцать, а он уже рассекает на спортивной тачке за несколько миллионов.

– А ты молодец, Роман Торопов, не пожалел футболку.

Мама! Боже... Бледнею. Сложно понять, что она еще выдаст. Я ведь не всё ей рассказала. Далеко не всё. Только про зал. Про Анфису. И про то, что Рома меня проводил и попросил прощения.

Впрочем, прощения он просил еще в тот раз...

Глава 16.1

Мышка похожа на мать. Тот же взгляд и упрямый подбородок.

Эта белокурая женщина, которая сейчас подходит к Лере, только с виду ангел.

Там стальной стержень внутри.

Чёрт, нахрена мне надо было приезжать? Зачем?

Какой-то треш.

Еще и этот стоит... на которого Мышь вчера бросалась. Нет, они не могут быть вместе. Он старше, да и как, при матери? Это же бред?

Хотя... кто ж их знает. В конце концов, раз я уже тут – терять мне нечего.

Здоровуюсь, улыбаюсь. Как любил раньше говорить отец: «Улыбайтесь, это всех раздражает».

Не хочу раздражать, наоборот, блин... выставляю себя как товар на продажу. Понравиться хочу. Расположить к себе.

Руку этому не протягиваю – тоже отец приучил. Первым руку всегда подает тот, кто старше. Есть такие мужские законы.

Матери Мышки по ходу известно то, что было вчера. Хорошо это или плохо? И что именно ей известно?

– Значит, Анфиса твоя тётя?

– Да, младшая сестра отца.

– Мир тесен. – Это точно.

– Вы не будете против, если я подвезу Калерию до школы?

– Давно водите машину? – о, вот и красавчик в пальто

голос подал.

Ну что ж, жги, Рома, жги!

Стараюсь говорить просто, но мажор во мне приосанивается.

– Я чемпион России по картингу среди юниоров. Сейчас участвую в гонках Формулы-3, так что мне есть где погонять. В городе езжу аккуратно, штрафы бывают, но редко.

Спецом все так подробно рассказываю. Цену набиваю. Хотя понимаю, что с гонками пока, скорее всего, придется завязать. Надо окончить школу и поступить, а там...

– Лера, я не против, чтобы ты поехала, если ты сама... – её мама смотрит сканирующим взглядом.

– Я не против. – Мышка говорит тихо, почти пищит.

– Хорошо, тогда до вечера.

Они прощаются, целуются, и с мамой и... с этим тоже, в щеку. И он ей что-то втирает на ухо. Понторез. Пальтишко стильное, а сам...

Да нет, чёрт, сам тоже ничего. Высокий, спортивный, я бы его, конечно, уделал.

Всё-таки хорошо, что я выбрал бои без правил, а не гонки. Хотя на трассу, может, еще вернусь. Но там... там по деньгам совсем край, недешево нынче быть чемпионом, хотя рекламные заработки достойные.

На тачку, на которой я сейчас засекаю, между прочим, сам заработал! Купил, правда, не новую, но почти девочку. Не битая, пробег маленький. Ну и... любимая присказка – «бэха» есть «бэха».

Мать Леры и пижон в пальто уходят вместе, он тоже на машине. «Мерин». Ну-ну, плавали, знаем. «Бэха» лучше.

– Поедем, а то опоздаем... – Лера трогает меня за рукав. Хочется накрыть её ладошку, но это позже.

– На физру? Думаешь, стоит?

– А что ты предлагаешь? – Мышка сканирует меня, совсем как её мать пару минут назад.

– Предлагаю провести этот час с пользой. Поехать в кофейню, взять раф или венский и пару круассанов.

– Конор доложит.

– Конора я беру на себя. Едем?

– Хорошо, – отвечает, чуть бледнея.

Обхожу машину, чтобы открыть ей дверь, помогаю, как зачарованный вдыхая нежный аромат.

Завожу машину – остыть не успела.

– Лер, ты... все время бледнеешь, к врачу ходила?

– У меня мама врач. И папа.

– Ого, круто. И что?

– Что?

– Спазм сосудов – это же не шутки?

– Запомнил? – вижу, как дергаются уголки губ. – Ничего страшного нет. Просто... все краснеют, а я...

– А ты не все, – выдаю сразу, голос звучит как-то странно, низко. Лера сразу вскидывает на меня свои пронзительные глаза.

Они у неё именно такие – пронзительные. Не могу по-другому.

Не алмазы, не топазы, не сапфиры ни разу, капля моря, капля неба, капля белого снега, как океан на Мальдивах или небо в Дубае, или цветок незабудки, распустившийся в мае...

– Ром... ты... мы поедem или будем стоять?

– Прости. Едем.

Чёрт. Оказывается, разговаривать так сложно! Мне всегда казалось, что нет ничего проще, и вот... Зашквар. Сочинять стихи получается лучше.

Может, так и говорить с ней, стихами?

– Ты не написал вечером.

Тадам... звон в ушах, как будто я под колонкой в тысячу ватт стою. Ждала?

– Не написал. – А почему – слабо сказать, а, Тор? Громовержец? Или это был Зевс? Без разницы. – Я...

– Ты увидел меня с Сашей, да?

Спасибо, Мышь. Спасла.

Жесть... реал, не могу выговорить то, что хочу и должен. Чёрт, соберись тряпка! Мужик ты или...

– Это бывший муж моей сестры, то есть... не бывший...

– Так бывает? – ухмыляюсь, прикольная формула, почему

нет? Бывший-не бывший... – Тут или бывший, или...

– Соня умерла...

Шок.

Словно острым тесаком в грудь. Резко. С размаху.

Умерла. У неё умерла сестра! А я...

Как я мог? Я? Я! Который... который уж это-то точно должен был просчитать, понять...

С трудом удерживаю машину, хотя еду так, словно нет пятисот лошадок под капотом.

Мышка пережила смерть. Она поэтому такая...

Да... мы с ней могли бы видеть фестралов, если бы были в Хогвартсе.

Но мы не там...

Глава 17

Соня умерла.

Мне до сих пор нереально произносить эти слова. Каждый раз эта фраза взрывает мою вселенную.

Она не могла умереть! Просто не могла! Только не Сонька!

Она так жизнь любила! Умела радоваться всему...

– Чёрт...

Не смотрю на него, но вижу, что ему не по себе. Не надо было говорить. Не надо вот так.

Молчим, пара минут – и машина тормозит у входа в популярную здесь несетевую кофейню.

Вижу, как Тор подносит руки к лицу, закрывает глаза нижней частью ладоней. Его грудная клетка как-то слишком быстро поднимается и опускается. Потом он резко убирает руки и задирает голову вверх. Я вижу, как покраснели его веки, белки.

– Чёрт, какое я дно... – он дышит прерывисто.

Я ничего не говорю. Не могу разобрать свои эмоции. Раньше мне не хотелось, чтобы меня жалели, соболезновали, меня это не просто раздражало, вводило в ярость. Рвало на части.

Может, потому, что я не верила в то, что Сони нет? Я долго-долго не верила.

Наверное, до того момента, пока папа... Пока папа не решил уехать.

До сих пор не могу понять...

И вообще... Как стало сложно жить.

И больно. Может, просто потому, что я выросла?

Зачем я выросла?

Раньше я все время говорила Соне – хочу стать взрослой, хочу стать взрослой! А она, смеясь, отвечала, что я дурочка, что маленьким жить гораздо проще...

Соня...

– Лера... ты... Чёрт, – голос у Тора срывается, хрипит...

– Успокойся. Нормально всё. Ты не знал.

– Ничего не нормально. Как ты после всего вообще можешь со мной рядом... Просто... убиться об стену.

– Мы пойдем пить кофе?

– Кофе?

Я смотрю на него, сжав челюсти.

Не надо меня жалеть. Не надо. Это не поможет. Никогда не помогает.

Кажется, он понимает мой внутренний посыл, просьбу.

Молча выходит, огибает машину, чтобы открыть мне дверь, подает руку. Кавалер.

У самого входа в кофейню он вдруг резко притягивает меня к себе.

Глаза в глаза.

Не дышу. Опасно дышать. Он... Рома... Он вкусно пах-

нет, его аромат действует на меня сильно. Голова кружится и... Хочется стоять вот так. Долго, долго, долго.

– Лера...

– Что?

Почему-то мы говорим очень-очень тихо.

– Лера, я...

– Пойдем, холодно, у тебя куртка тонкая.

Он пытается улыбнуться и как-то странно морщит нос, потом проводит большим пальцем по моей щеке.

– Разве тебе не всё равно?

Качаю головой, еле-еле, почти незаметно.

Мне не всё равно в этот момент. И вообще. Мне на него не всё равно!

Что-то сломалось в моей системе. Он вломился в неё вопреки всем законам.

И я это принимаю. Пока.

Пока он такой вот. Роман.

– Пойдем?

– Ладно, Мышка, пойдем, будем кормить тебя завтраком и поить кофе.

– Я не голодная.

– А ты притворись, ради меня, ладно?

Улыбается.

Харизма. Вот уж чего у него не отнять. Он, конечно, и без этого просто красивый парень, но харизма!

Понимаю, почему половина девиц школы сохнет по Тору.

Мы заходим в кофейню. Бариста – неожиданно, но он тут довольно брутального вида мужчина лет тридцати, с бородой, плечистый – говорит густым басом:

– Утра, Тор, как всегда?

– Мне да, а девушке...

– А барышню я и сам спрошу. Что желаете, красавица? Рекомендую мой авторский раф с каштаном, или с тыквой, кофе по-венски, имбирный латте?

– Можно просто капучино?

– Нельзя. Выбираете мой, бесплатно. Если не понравится – сделаю капучино, тоже бесплатно.

– Анатолий сегодня щедрый? – Тор ухмыляется, потом приобнимает меня, подмигивая.

– Анатолий любит блондинок, – брутальный весело подмигивает мне.

– Эта блондиночка занята! – ого... вот это... вот это завочки!

Почему-то после этих слов в груди словно взорвался грузовик с мандаринами – сочно, ярко, горячо и... вкусно.

И как-то резко меняется настроение этого утра.

Мы сразу другие, словно не было только что этих минут в машине, когда я сказала о Соне, а он отреагировал так... странно.

– Мышка, что ты будешь на завтрак? Миндальный круасан? Или бейгл с сёмгой.

– Я буду сырники с кленовым сиропом.

– Отлично, – он смотрит на меня и улыбается, и ведет себя так, как будто...

Как будто мы пара.

Странно. Мне снова это кажется странным. Не неприятным. Необычным, что ли. Он это перед баристой, что ли? Или?..

– Мышка, садись за столик, я сейчас все принесу.

– Хорошо.

Специально выбираю столик в глубине зала, в нише, которая еще и удачно перекрывается вешалкой, на которую пристраиваю свой пуховик.

Пишу сообщение классной, что проспала и приду ко второму уроку. Она отвечает сухо, благодарит за предупреждение.

Вчера ведь Ольга Александровна говорила с мамой.

Вообще, конечно, это прямо «Камеди-вумен».

Директриса, наш обожаемый в жирных кавычках «Ксенонон», как я понимаю, была в шоке после моего демарша – когда я сбежала, не пошла в её кабинет оправдываться за выходку на физре. Сначала она устроила трэш нашей «классухе», а потом позвонила маме.

Надо знать мою маму. Она всё спокойно выслушала. А потом ответила, что если в элитной гимназии у ребенка воруют вещи прямо во время урока, то надо звонить не родителям ребенка, у которого украли, а родителям тех, кто это сделал. И директрисе крупно повезло, что её дочь, то есть я, решила

вопрос по-своему. Потому что если бы дочь позвонила ей и сообщила о том, что она голая сидит в раздевалке, в школе бы через пять минут были полиция и телевидение.

Моя мама стоматолог, уж что-что, а пугать людей она умеет...

После директора позвонила классная и тоже выслушала отповедь про мажоров и безнаказанность.

Мне, разумеется, тоже от мамы слегка досталось, я попросила прощения, пообещала, что больше не буду, ну и... рассказала про Рому.

И про его помощь, и про то, что он племянник моей Анфисы.

– И он тебе нравится? – хорошо, что мама это спросила, когда Сашка ушёл отдыхать.

– Не знаю, – пытаюсь солгать, как будто получится! – Да, мам, нравится.

– Несмотря на все его выкрутасы.

Пожимаю плечами. Что поделать? Как раньше говорили – сердцу не прикажешь?

Я пыталась. Да. Очень старательно уговаривала себя, что мне всё равно. Не смотрела на него в школе совсем. Не замечала.

Игнорировала его реплики – он сообразил, что я нифига не физик, и постоянно троллил, особенно если приходилось что-то отвечать у доски или с места.

На физкультуре тоже несколько раз докапывался. Да и на

литературе тоже.

И тот конфликт тоже произошёл на литературе...

Глава 17.1

Мышка заняла мой любимый столик. Непроизвольно улыбаюсь. Интересно, это значит, что мы с ней в чем-то похожи? Раз выбираем одинаковое? Или просто совпадение?

Кофе она заказала самый обычный, капучино, а я больше люблю раф или латте. Да и сырники... Я все-таки заказал к ним ещё бейгл с мягким сыром и лососем.

Лера смотрит в окно. Грустно так смотрит. Вспоминает что-то?

Сестру?

Да, меня эта информация реал размазала. Но я пока не готов возвращаться к состоянию драмы. Не могу. Надо жить дальше. Хотя признаться Лере кое в чём я, наверное, должен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.